

ПАРТИЗАНЫ.
ГЕРОИ ОДЕССКИХ КАТАКОМБ!
МЕСТО ВАШЕГО ПОДВИГА СВЯЩЕННО
ДЛЯ ВЕРНОЙ ВАМ ЮНОСТИ.

№ 6 МАРТ 1967 ПЯТИДЕСЯТЫЙ ГОД ОКТЯБРЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

10. НАЧАЛО ВЕКА (1900, февраль—июль)

..Ленин — непреходящий член коллектива. Это ставит его в один ряд с нами, с рядовыми членами партии. И в то же время он — яркая индивидуальность. Второго Ленина нет в партии. Поэтому при изучении личности этого политического и литературного деятеля необходимо всегда различать: с одной стороны, черты общие по коллективу, а с другой — индивидуальные особенности.

М. Ольминский.

Начало XX века становится для Ленина началом осуществления плана создания партии. Основное его звено: издание «Искры», революционной газеты, вокруг которой сплотятся будущие партийные кадры.

«В одном из столичных театров»

В середине февраля 1900 года Владимир Ильич незаметно приезжает в Москву и останавливается у родителей, на тогдашней окраине города — у Камер-Болдеевского вала, по Бахметьевской улице.

Узнав сына, Мария Александровна горестно восклицает:

— Как же ты писал, что поправлялся? Каной ты худой!

— Я действительно поправился, — отвечает Владимир Ильич. — Я только за последнее время, перед отъездом, слаб.

«Надеясь Константиновна рассказывала потом — вспоминает Анна Ильинична, — что верность перед огнем сына, неуверенность в том, что оно подлинно наступит, съела почти в сию же порушку брата в Сибирь...»
В те дни, чтобы познакомиться с Лениным, в Москву приезжает его самарский друг Лавинки, в то время член Екатеринбургского комитета социал-демократической партии и редактор газеты «Кийский рабочий». Позднее Владимир Ильич рассказывает сестре, что их давнее знакомство вылилось главным образом в создание Второго съезда партии, который проходил также в России.
Полные аресты на коте в апреле 1900 года — и Лавинкин в том числе — убедил окончательно Владимира Ильича в невозможности соизмерять съезды в России.

«Если только подготовлен к съезду вымывают тание порог», — говорил он, — разрушут чуть не до нормы организацию, введут и аресту наиболее ценных работников, следовательно, в самодержавной России съезды являются невозможной реальностью...»

В феврале Владимир Ильич побывал вместе с Лавинкиным на спектакле Художественного театра — пьесе Гюго «Гугензатт» («Вочичи Печень», 20 февраля 1901 года он пишет родным из Москвы):

— Превосходно играют в «Художественном — общедоступном» — до сих пор вспоминаю с удо-

вольствием свое посещение в прошлом году вместе с Беднойгой Колубом...»

«К о д у б о» — одним из кличек Лавинкина... Но в театре Ленин не только наслаждается артистическим и режиссерским мастерством «художников». В актывках он продолжает деловые беседы. Летом 1901 года Владимир Ильич вспоминает о них в связном с филантропием «Искры» письме Лью Гальперну.

— Пригласите нас устроить достать денег, советую Вам поспешать похлопотать об этом и за которыми один из членов группы «И» с к р и м я говорил уже в декабре прошлого года (напомните ему разговор в одном из столичных театров).

«За» — разумеется, Лавинкин. Слышавшись на беседе с Лениным об этом спектакле и Надежде Константиновне. Она пишет: «Возвращаясь из Сибири, в Москве Владимир Ильич ходит раз в театр, смотрит «Иванович Генцель», потом говорит, что ему очень понравилась.»

«В Пскове...»

Многое тогда зависело от того, где Владимиру Ильичу удастся поселиться до отъезда за границу. Еще летом 1899 года он пишет из Шувалово Петросу, намеченному им в соредаторы «Искры»:

— Мой срок кончается 29.1.1900. Только бы не прибавили Псков — величайшее несчастье, постигшее марксистов в Восточной Европе... Мечтаю о Пскове...»

Ленин собирается по Петербургу, Риги, Смоленску. Заведу Ленин предполагает сделать все возможное для подготовки издания «Искры». 26 февраля Владимир Ильич приезжает в Псков. Над ним незамедлительно учреждается негласный полицейский надзор. Утром 28-го он получает «Объявление департамента полиции» о том, что ему воспрещается жить — «в столицах и Санкт-Петербурге, в губерниях, впадших под особое рассмотрение, а в губерниях: Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Владимирской, Костромской, Нижегородской, Гулянской, Пермской, Уфимской, Орловской, Екатеринбургской, Вятской, Вятчанской и Петровской, Велостокском уезде, Гродненской губернии, области Войска Донского и городах: Вязле, Киселе, Никольске, Десесе, Харькове, Риге, Юрьеве, Либаве, Казани, Томске, Елизаветграде, местечке Кравом Рогч, Харьковской губернии, а также в Иркутске и Красноярске» их уездом, в течение трех лет, сроком по 29 января 1903 года, в таком же порядке, охранение запрещают Ленину въезд во все тогдашние пролетарские и университетские центры. На документе сохранилась ленинская расписка.

28 Настоящее постановление мне объявлено 26 февраля присяжным поверенным В. У. в 9 в. Владимир Ильич просит департамент полиции разрешить себе переехать к нему из Уфы в Псков. 15 марта он пишет матери:

«Ваше предложение прошение 10-го и скоро буду ждать ответа... Я живу здесь ничего себе, часто посещаю библиотеку и гуляю.»

В те дни на третьей странице «Псковского городского листка» появляется объявление:

ИДЕАЛТ БРАТЪ УРОНИ немедого языка ЧЕРНОВА приехал в Пскове. Предложения писемно: Архангельская, дом Чернов, №171. Уфа, для Б. У.

Но оправдывая теорию от пратнтни и в изучении иностранных языков «В» — Владимир Ульянов. Это подтверждает воспоминания названного в объявлении местной ателавторизации (который теперь уже, вероятно, приехал и себе домой). Гуляю — теперь неаудно гулять здесь, и

в Пскове (а также в его окрестности) есть, видишь, но мало красивых мест. Купил в здешнем магазине открытки письма с видами Пскова и посылку три таба, Андрей и Дмитр.

Здешний мой знакомый берет згранный паспорт и предлагает ехать летимся самолетом в 20х апреля. Мне в этом немедого языка у одного здешнего немца, по 50 копеек за учрч. Перевозом с русского, немного дороже — не очень, хорошо идет дело, и я помыслил уже не везти; посл, впрочем, посмотрю еще... Заниматься вообще мало, все еще не получило уездных и Мещу.

Была в библиотеке, читал газеты. Новых книг вижу мало...

«И о г о р ж д а н и я п у т е с т в е н н и к» — вернувшись из Туржуханской ссылки Мартов. «З д е ш н и е а н г л и й с к и м в а» — Погресом, который ранее Ленин выехал за границу для установления связи с Плехановым и Аксельродом.

Страстные споры Ленина с Бубенцевым идеологом ликвидаторства начались, как мы видим, уже в Пскове. А ч у н а в а т е л и М е т о в у — уездный и передовичник Лениным еще в Шуваловском периоду и отгродитированному им периоду.

«В том числе Сибири и Екатеринбург» — «Экспресс и практика английского тредюнионизма». В Псковском объявлении Владимир Ильич бывает не только для научных и литературных занятий. Как за три года до того читальный зал московского Гуманецкого музея, посылка русско-английского словаря — идеальное место для конспиративных встреч.

Ваше место, именно здесь Ленин ведет конспиративные переговоры с будущими агентами «Искры». Это случается в мае 1900 года — он сообщает Николаю Бауману, организующему перевод «Искры» с французского на русский язык.

— «...Ялл примени у нас уже функционировать сравнительно очень дешево, не обременяющие массы денег.»

«Псковские сиденые» Владимир Ильич использует и для того, чтобы познакомиться с кадрами будущей партии, оценить их достоинства и недостатки...»

Вскоре он направляет официальное прошение директору департамента полиции:

— «Министр Временных Дел постановил воспретить мне митинговать в числе прочих губерний в Уфимской губернии. В настоящее время в городе Уфе проианет мой жена, Надежда Ульяновна, состоящая под гласным надзором, и хозяйством мое (в прошении от 1 марта 1900 г.) о разрешении ей переехать в город Псков, было признано не подлежащим удовлетворению. По последним известиям, которые я имею от жены, она заболела и лечится у местного священника... доктор же не разрешит ей переехать в Псков, а в виду того, чтобы мое заявление могло быть проведено...»

Вот почему для такой проверки будет признана необходимая.

На этом основании Ленин просит разрешить ему поселиться в городе Уфе, чтобы учиться.

В конце марта Ленин встречается с представителями «легальных марксистов» — Струве и Тулин-Вильямсом. «Псковские совещания» охватывают Ленинский «Процент заявления редакция «Искры» и секретаря В. У. — Александровича Ильичем беседует и секретаря «Союза русских социал-демократов за границей» — Комельзон. О переезде с ним по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

— Четвертый пункт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщит мне, по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

— Четвертый пункт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщит мне, по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

— Четвертый пункт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщит мне, по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

— Четвертый пункт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщит мне, по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

— Четвертый пункт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщит мне, по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

— Четвертый пункт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщит мне, по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

— Четвертый пункт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщит мне, по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

— Четвертый пункт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщит мне, по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

— Четвертый пункт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщит мне, по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

— Четвертый пункт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщит мне, по поводу предполагается весной 1900 года Второго съезда РСДРП и о создании «Искры» Ленин, впрочем, расширяет факты из прошлого и называет себе, как мы помним, «Искру» и «Искру».

Из книги В. Николаева «ЛЕНИН. СТРАНИЦЫ АВТОБИОГРАФИИ». Начало см. «Смена» №М 21—24, 1900, и №М 1—5, 1907.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА

ВЛКСМ

Год издания срок четвертый

Выходит два раза в месяц

1906

МАРТ 1907

Строка

Дмитрий СУХАРЕВ

И так-то плыли облака
По гладкому, пустому небу,
Что мне, беспутному, являлся
Строка.
Она светилась.

И так она была легка,
И та следил ревнивым оком,
Как тысь ее по наволокам
Скользила.
И тени облаков скользили тоже,
Не отставали
И не обгоняли ее, мою строку.

Она исчезла за чертой,
Как дыма хлопок или звук пустой,
Но долго тени облаков
Скользили с ельника на ельник,
И долго человек-бездельник
Сидел и ленился оков
Не рвал.
И недоумевал.

Его ревнивый взор
Скользил с угора на угор
И, оттого что отставал,
Сердился:
Зачем он слаб постичь черту
Ту, за которой
Строка
Исчезла навсегда!

Торопимся, торопимся,
Вздвремем и снова в путь,
В подробностях не роёмся,
Ухватываем суть.

Ухватываем, будто
Коза — кленовый лист,
Заправленную круто
Окрушо дат и лиц.

Ах, время, время, время,
Куда же ты, куда!
Не вредно бы, не вредно
Помедлить иногда!

Весельный царь природы,
Начальник бытия,
Как бутерброды,
годы
Глотает, не жуя.

Берега, рукава, островки,
Все мое! — да на карте оно,
Больше руки мои коротки,
Больше времени мало дано.

Города ли мои, городки,
И малы, да числом велики,
Тот на озере, тот на реке,
Те и те от меня вдалеке.

Наложил бы я в короб платков
(Что за волюсть и город каков),

Товарищам

МОИМ

В литературе

Я рад, ребята, ваши имена
В журнале встретить.
Смирно нетерпение и трепет,
Слабую писмена.

Еще я рад,
Когда и самому удача в руки:
Не так, чтоб вот те смьсл, а
вот те звуки,
Но лад.

Пусть невелик тираж у наших
книг,
Нам мила рота,
И ротою мы утверждаем что-
то,
Какой-то стьнг.

Какой-то стиль.
Приверженность к особенной
манере.
Манеру жить кум по краиней
мере,
По мере сил.

Желаю вам, ребята, всяких благ.
Старик Филатов, ищущий
бельма,
Работал и с изществом и
дельно —
Писать бы так!

В. А. Жуковский

Василий Андреевич Жуковский
Солнцем русской поэзии не был,
Что поделяешь: не дано.

Сын турчанки и правнук арапа,
Два курчавых, а солнце одно.
Застрелил!
Застрелил солнышко,
Темно.

Море людское вину с утра,
Море людское.
Вот ведь горе каково.
Ледяная гора давит на плечи,
Волосы слиплись на плечи.

Меланхолический бард,
Сын томашки, шелковый бант —
Вот не думал дожить со своею
постылою славою!
Господи, не допусти,
Не подпусти костлявой!
Огороди стеной!

— Это ты, Василий Андреевич
— Я, родной.

Каждый раз,
Как приеду опять в этот город,
Стою у этих ворот.

Снег за вборт, дождь за вборт,
Прибывает, пододвигит народ.
Господи, не допусти!
Ждем, молчаливые тени.
Дважды в день Василий
Андреевич
Вывешивает бюллетени.

Черный дрозд

А кого же, вот вопрос,
Так от страсти распырает!
Это вот кто: черный дрозд
Свою леску распырает.
Так себя он распалил,
Что — хвалите, не хвалите —
Все равно он будет лить, и лить,
и лить свое,
Как пил.

Потому он черный дрозд,
Что имеет черный хвост,
Вообще, помимо клюва,
Черный он во всех местах
И попеть большой мастак.

Все акации в цвету,
Дрозд поет, а пчелы — уу.
Ну и духууу,
Ну и цыгууу.

Уу, как сладко, мочи нету!
Тяжелее на лету.

Всяк свои имеет страсти:
Пчелы — по медовой части,
Дрозд попеть,
А я мастак
Повалиться просто так.

Не по этой ли причине
Я до чина не дорос —
Вот вопрос!
Пустой вопрос!

Так уж рад я, что живу,
Что приписан к белу свету,
Гроздь акации сорву,
О, как сладко, мочи нету!
Дрозд поет,
А пчелы — уу.

Веселит кисея молодух,
А змеяль б веселия мой дух.

Только мне не те времена,
Человеку бродячьего нельзя.
И, как всякому, мне вменяно
Сообразная веку стезя.

Я живу со стезею в ладу,
Никуду с нее не сойду.
Ночью той за окочельей той
Не блеснет перстень золотой.

Ямбы

Итак, российская словесность
Вернулась в ямбы.
Не беда.
Осточертела неизвестность,
Мы враз познали вес труда
И разговорной легковесность.
Конец все тот же, что всегда!

Хоть правда, что самоосожжение
Куда уместнее, чем леть,
Но и без лести дело есть —
Слушенье.
И есть забота данья, привычка:
Служа ли, не служа, — блюсти
приличья
И честь.

Умирал, чтоб снова воскреснуть,
Воскресая ослез умирать,
Посетит того свата искренность,
Возвращаюся бумагу марасть.
Всё мараю, мараю, мараю,
Всё морю словеса-сорняки
И орудуя мудрой моралью
Своеиюю рифм вопроаю.

А в итоге-то, мимые, хило.
Ну и что!
Надеваю пальто,
Надеваю это, Постыло.
Пусть я червь, а не Бог —
Ну и что!

Покупаю газету в киоске,
В гастроном армянский лаваш.
Я воскресный москвич. Я с авоськой.
Стихоплетя! Я больше не ваш!

ИЗ
НОВЫХ
СТИХОВ

Когда я увидел эту фотографию, даже сердце защемило: до того все показалось знакомым. Свежая борода, трактор, газетный лист... И вопрос в настороженных глазах крестьянина: «А что мне сулит это новое?» Агитатор читает вслух, но вопрос этот чувствует и знает: сейчас начнется серьезный разговор о земле, о колхозе и о дальнейшей жизни...

Много вот таких агитаторов ходило по нашей земле в начале тридцатых годов. Да, ходило: я сам работал в то время инструктором «Колхозцентра» и отмахал не одну сотню километров—реже вихром, чаще пешком. Агитировали за колхозы, объясняли цели коллективизации. Все мы гордились своей работой, потому что были для крестьян полпредами Советской власти, партии, Москвы. И каждый чувствовал огромную ответственность за свое дело. Ведь зачастую от слов агитаторов зависело, быть или не быть новому колхозу и то, как поймут крестьяне обращения и кем слова партии.

Как-то раз приезжаю в одно азербайджанское село, почти на границе с Персией. Председатель жалует: люди не хотят работать. Иду в поле, вижу: на земле разлеглось десять—двенадцать человек. Начинаю говорить, спрашивать—молчат. Делают вид, что не понимают по-русски. Но слушают внимательно, значит, просто не хотят разговаривать. Наконец один не выдержал, объяснил. Оказалось, трое зажиточных крестьян земли здесь до меня свою агитацию—против колхозов. Кажется, сумел я их переубедить, потому что за мной стояла сама правда жизни. Пошли они работать.

Агитаторы, конечно, были не одиноки в своих многодневных разъездах. Пошли, какую огромную пользу принесли в колхозах рабочие-двадцатипятилетичники, посланные партией на укрепление села. И там, где работали двадцатипятилетичники и агитаторы, скоро появлялись партизачейки. На снимке виден трактор, между прочим, он был у нас самым главным доводом в разговорах о колхозах. Вслед за агитаторами, повторявшими женские слова о необходимости дать крестьянину как можно больше сельскохозяйственных машин, в колхозы прибывали тракторы, а человек с начкой свежих газет, с томом Ленина шел дальше, в следующее село...

Вопросы нам задавали такие, что сложнее не придумать, ведь и время было необычайно тяжелое, на грани старой и новой жизни. Большие верили каждому слову агитатора, а середняки старались побольше выспросить, что да как. Кулаки молчали, и мы знали цену их молчания. Много агитаторов пало от предательских выстрелов.

Н. Е. ЮЗНЕЦОВ,
заместитель начальника
Управления пропаганды
Министерства сельского хозяйства СССР

Фото И. ШАГНА

АЛИСА И БАРАБАШЧИК

...работа в звене, отряде, дружине, пионерском клубе должна строиться на основе инициативы и заинтересованности ребят, способствовать формированию коллективного мнения, выработке умения отстаивать самостоятельную точку зрения, учить ребят самокритично оценивать свои поступки, критиковать своих товарищей за допущенные ошибки.

(Из Постановления II пленума ЦК ВЛКСМ)

Н. ДМИТРИЕВА

— Кто задержал флаг? — спросила Алиса громко и тревожно.

Все слышали ее. И еще все видели, как командир лучшего отряда, вызванный к флагу, не мог спустить его. Даже когда начальник лагеря, Алиса Николаевна и сам физкультурник хотели помочь командирову лучшего в этот день отряда, начеку у них не получилось. Днем кто-то дернул канат, пока он не соскочил с колесика на веревку мачты.

— Кто это сделал... шаг вперед! Алиса стоит на трибуне — белая кофта, алый галстук. У нее есть верное средство узнать правду: посмотреть малышке или девочке прямо в глаза. Но сто восемьдесят пионеров выстроились на линейке, и с трибуны глаз не видно, а только опущенные головы, виноватые макушки...

Сумерки. Дует сильный ветер, и кажется, ве калия дождя, а брызги с Оки несут отсюда. Днем было жарко. Все отряды впервые в это лето ку-

пались в Оке. Ребята барахтались в ее быстрой воде, высклакивали на берег, кидались на горячий песок, подгребали его под себя и замирали, раскинувшись удушею рук. Скоро они привыкли к свободе от школьных парт и учебников, к крутой лесной тропке, по краям которой уже шест земляники, к солнцу и к реке. А сейчас лесом было хорошо, и казалось, по-другому не бывает и не может быть: такие все дружные, все «толмыши» — душа нараспашку.

Вечерняя линейка. Лагерь только что отрядили, и еще не все успели пережариться и даже не присмотрелись друг к другу. Алиса — старший пионервожатый лагеря (Помет — хочется, чтобы ее пионеры были как стимы и смеялись. Им стал им здесь, в лагере.

Но вот из первого отряда, из второго ряда, как-то боком, боком вышла чужая сутулая мальчак. Алиса знает что — Андрей, лагерный бара-

банщик. Лихо взмывает над барабаном его пальчик, четко, задорно выбивает они дробь. Хороший эту смену барабанщик, настоящик, из Москвы!

Андрей смотрит в сторону трибуны и негромко говорит: — И я знала, кто задержал флаг, только не знала, как их зовут. Можете ли я пройду по отрядам?

Длинноватый худощавый в синих штотах бастинговизм застенчиво просит вдоль выстроившихся на линейку отрядов, вглядывается в лица ребят. Кто с любовью смотрит на него, кто отворачивается. Андрей внимательно ищет, ищет и перебирает ногами вдоль рядов в такой тишине, в тишине до того первого раза, когда он, раздвинув первый ряд третьего отряда, вытаскивал на линейку упрямыхся парней. «Что опр. И пошла дальше. Все такой же внимательный.

В третьем отряде вспоминались. Стали выходить к трибуне, подталкивая друг друга еще мальчишки. Они спорили, и уже невозможно было понять, кто же на самом деле задержал флаг.

Тогда Алиса объявила об окончании линейки. Зинченко, сказала она, завтра утром объяснит свой поступок. Еще Алиса отменила честный поступок пионера первого отряда Андрея, который помог найти виноватых на мачту. Балвист Олег Гауфус, который самоотверженно наизусть на бани, разучивая с ребятами к открытию лагеря отрядные песни и концертную программу, играл на танцах и на прославленной постройке. А потом через два-три дня Олег исчез с экзаменами за 11-й класс, на ответственный экзамен. Наверное, готовился как студент по вечерам, а не по неземным делам лагеря человек.

— Вы знаете... смущаюсь, проебует он мне объяснить свое активное отношение ко всему, что происходит в лагере... Это так же, как в школе. Я еще в начальной школе учился, когда она стала нас брать в походы. Знали бы вы, какие это были на походы... С тех пор я уже Алиса Николаевна, и все, что ей нужно, сделаю.

Репорт отряд на линейке командир первого отряда Зоя Парамовна. Это уже бывшая ученица Алисы Николаевны. И — командир. Боевая и любознательная Зоя — в ней чувствуется что-то от характера Алисы Николаевны: неуспокоенность и никакого равнодушия. Нет спокойных детей у Алисы.

Ведь это удивительное дело: лагерный шеф-повар ведет драмкружок. Но если бы вы видели этого красивого шеф-повара, Тамару Иванову, высокую, статную, внешне спокойную девушку, когда она несколько часов подряд отбирала «актеров»: придухивала ребятня затылки, саушала, как они читают стихи — то бы вы решили, что ее место в театре, а не у плиты. Хотя у всего лагеря уже была возможность убедиться, что и у плиты Тамара не просто шеф-повар — артист.

Алиса смеется теперь вместе с Тамарой, когда вспоминает, как была она ее пионеркой, как выговаривала ей Алиса Николаевна за то, что она — эта Тамара — сутулая — говорит с мальчишками. Потом они говорят о походах. А Тамара рассказывает, что сейчас она помогает в милиции «растить триангуляционные пункты». Тамара не только в походной компании, и теперь Тамара ведет их в кино и театр, они помогают ей делать стенограммы, в общем, стали нормальными людьми за два года дружбы с Тамарой.

Может быть, беспокойство, знер-

виль ее: честный поступок надо отметить...

— А лучше бы Андрей после линейки пришел в третий отряд к тем ребятам, кого он запомнил, и сказал: «Я вас видел, и если вы завтра сами не сознаетесь, тогда я выйду и скажу...»

Что за человек растет из этого московского шестиклассника? Что заставило его стать барабанщиком и выводить на линейку виноватых? Пройдет ли девять лагерных лет, и за эти дни — их меньше тридцать — Алиса должна найти ответы на эти вопросы. И постарается научить Андрея новому мужеству и настоящей честности. Может быть, именно от Алисы Николаевны Александровича, делегата XV съезда ВЛКСМ, зависит теперь судьба барабанщика.

Ее всего двадцать семь лет, но неутомимый характер и привязанность к детям, умение прямо, по-гайдаровски, говорить с ними и командовать ими, умение бороться с беспокойной, интересной, активной жизнью — все это идет рядом с десятилетним опытом пионерки, а потом и учительской работы.

Гордо Алиса считает себя не большой. Поэтому в пионерлагере треста «Алексингэстрон» не могли не оказаться ученики или бывшие пионеры Алисы Александровны. Они явились на мачту. Балвист Олег Гауфус, который самоотверженно наизусть на бани, разучивая с ребятами к открытию лагеря отрядные песни и концертную программу, играл на танцах и на прославленной постройке. А потом через два-три дня Олег исчез с экзаменами за 11-й класс, на ответственный экзамен. Наверное, готовился как студент по вечерам, а не по неземным делам лагеря человек.

— Вы знаете... смущаюсь, проебует он мне объяснить свое активное отношение ко всему, что происходит в лагере... Это так же, как в школе. Я еще в начальной школе учился, когда она стала нас брать в походы. Знали бы вы, какие это были на походы... С тех пор я уже Алиса Николаевна, и все, что ей нужно, сделаю.

Репорт отряд на линейке командир первого отряда Зоя Парамовна. Это уже бывшая ученица Алисы Николаевны. И — командир. Боевая и любознательная Зоя — в ней чувствуется что-то от характера Алисы Николаевны: неуспокоенность и никакого равнодушия. Нет спокойных детей у Алисы.

Ведь это удивительное дело: лагерный шеф-повар ведет драмкружок. Но если бы вы видели этого красивого шеф-повара, Тамару Иванову, высокую, статную, внешне спокойную девушку, когда она несколько часов подряд отбирала «актеров»: придухивала ребятня затылки, саушала, как они читают стихи — то бы вы решили, что ее место в театре, а не у плиты. Хотя у всего лагеря уже была возможность убедиться, что и у плиты Тамара не просто шеф-повар — артист.

Алиса смеется теперь вместе с Тамарой, когда вспоминает, как была она ее пионеркой, как выговаривала ей Алиса Николаевна за то, что она — эта Тамара — сутулая — говорит с мальчишками. Потом они говорят о походах. А Тамара рассказывает, что сейчас она помогает в милиции «растить триангуляционные пункты». Тамара не только в походной компании, и теперь Тамара ведет их в кино и театр, они помогают ей делать стенограммы, в общем, стали нормальными людьми за два года дружбы с Тамарой.

Может быть, беспокойство, знер-

тия Аليس, как в теплой реакции, потому ее неспроста и увеличил, становится частью их характера? Но и Аليس не первая в этой цепочке. Седая, но бодрая душа учительница начальных классов Зинаида Сергеевна Оманенко, на которую Аиса с тех пор была полна надежд, когда собиралась в пединститут... Аиса — ее пионерка — другая ее пионерка... Когда Аиса вернулась после этого съезда, круг друзей этой «теплой реакции» увеличился. Ее выступление слушают комсомолы Тульской области. Я была на комсомольском собрании Алексеевской ТЭЦ и не заметила ни одного равнодушного лица за все время, пока она говорила. Это очень важно: с глазу на глаз в конце 1930-х и начале 40-х съездов, порасспросить его о подробностях съезда, уточнить, если что было неясно. Аиса отвечает на вопросы четко, обстоятельно, продуманно. Но в самом спрашивающем.

— Что делает комсомольская организация ТЭЦ по работе с подшефной школой? (Аиса преподает в другой школе, но как член горкома комсомола она в курсе школьных дел). Теперь очередь комсомольцев ТЭЦ отчитываться перед делегатом XV съезда.

Учитываете ли вы свою подшефную работу в соревновании бригад? — снова спрашивает Аиса. — Будут ли в новом учебном году работать в школе пионервожатые с ТЭЦ?

Собрание было долгим и интересным. Когда начинаешь вспоминать по порядку, что успел сделать Аиса за время, поражаешься количеству этих дел.

— Утро. Солнце, пробиваясь сквозь кроны деревьев, лежит полосами на скамьях террасы. В природе все располагает к отдохновению. Но со всех сторон звонкие резкие голоса: «Аиса Николаевна-а-а!» — и Аиса направляется слышать и показывать.

Дала белую бумагу, клей, черную краску, попросила принести пустые бутылки из-под фруктовой воды, показала, как сделать вазочку, если сделать бутылку белой бумагой и раскрасить ее под березовую кору. В вазу поставил ветки берез и лоскуты фаналы. А потом расставил в столовой — стало весело, уютно. Но в это время Аиса уже показывала девочкам разные отряды, как сделать клубки в центре площадки, где проходил аэробик, и где вазы цветы. Пока они занимались клубочком, Аиса показывала командирам, комсисарам и дежурной вожатой, как правильно и красиво маршировать, как четко отдавать распоряд.

Тут и начал выпадать дождь. «Аиса Николаевна-а-а!» — это бегут ребята, которые собрались за шавелем: вчера на вечерней линейке было решено весь лагерь уходить после завтрака за шавелем. «Как же теперь Дождь...?» — спрашивают ребята.

— Не знаю... кинут Аиса... Решайте сами. Соберите штаб!

И здесь же, под небольшим дождем, штаб постановил: «Выборить десяток на шавель. Гриньот завтра треволу. Дружно соберемся, и когда Аиса скажет, чтобы все отряды сделали шаг вперед, почти весь лагерь вышел к трибуне. Взяли тех, у кого было плащи и сапоги. Ушел за шавелем и Андрей.

И пошел вместе с десантом. Дождь перестал. Ребята-старожилы начали вывезать шавель на поляну — и шавель там рос! Листья чуть поменьше аллюдов, сочные, темно-зеленые. Их собирали две большие корзины — всемазанды человек шавелью запинали эти корзины. Кто-то из мальчишек сказал:

— Может быть, благодарность нам объявят...

— Если бы не объявлял, я бы не пошел... отозвался Андрей Андрей.

— Да у тебя уже есть благодарность...

— За что? — спросила я.

— За бдительность, — гордо ответил Андрей и стал обстоятельно объяснять все, что я знала в области линейки. Он был доволен собой.

Днем, во время мертвого часа, когда Андрей сложился по лагерю, открылось излучение этого дисциплины. Аиса привела его в свою комнату. Был трудный разговор. Андрей рассказал о том, что учится в школе-интернате. О родителях и сестрах. Соголасился, что будет отцу, если соблюдать дисциплину. Мы узнали, что барабанщик-онм захотел стать, когда в Доме пионеров руководителем оркестра предложил свою помощь тем, кто придет на лето в лагерь. «Мне нравится быть барабанщиком, потому что он всегда идет вперед всех», — говорит Андрей.

— Удивил мальчик: пока с ним беседуешь о дисциплине, о том, что нужно и что должен делать пионер, он смотрит, чуть прищурившись, куда-то далеко-далеко. Можешь показать, что он сосредоточено думает только над тем, что ему в эти минуты говорят, производит «пересечку ценностей» — такой у него высший принцип. Да, испробовал. И востика он торопится уйти — нет, не спать в мертвый час, а от разговора. Потому что Аиса Николаевна смотрит ему прямо в глаза, а это и этому, но на правах и отводит, все время отводит их в сторону.

Он дает честное слово, что сейчас вернется в палату и ляжет. Закрылся за дверью. Аиса вострожена. Кто выросла такого честолюбивого и неискреннего мальчишка, какие еще ребята растут у того лагерь, и, главное, как звать за Андрей?

Лето было долгое, жаркое. От Аисы приходило ко мне в редакцию письмо, в ухе и в них и узнавал, что Андрей остался на второму смену, подружился с ребятами, «обмел». Показал в нем искренний мальчишка, которому небезразлично, какое место займешь в жизни. И которого добрый и умный человек, старшая пионервожатая Аиса Николаевна, научила, что не все пути хороши к начальной цели, если ты решил идти, как барабанщик, всегда вперед отряда.

И когда Андрей уезжал в Москву, Аиса была тревожно процитировать с ним навсегда...

Но проходил зима, еще не стала темной, все надоевший снег, а уже в учительской, в горкоме, в комсомольской, в летних канцеляриях, когда она еще подходила к двери, как всемо блестяст глаза у светлячков и прельтельски желятот веснушки на носках. Аиса Николаевна жила: все ждал лета.

Снова будит гореть пионерские костры. Старшая пионервожатая Аиса Николаевна выходит к трибуне, руководит командой отряда, и когда он начнет поднимать флаг, дробно заработают клепальные палочки лагерного барабанщика.

Коммунист Ян Карлович Пуней, который лежал с Володой Шерпанко в одной палате туберкулезной больницы, пишет о нем: «Он был искренним, борцом. Таким его воспытал комсомола. Можно было бы о его жизни написать повесть. Но он и сам пытался рассказать о себе. О том, что любил и берез. Это стихи. Может, пробь пера, но — искренне и часто слово верности.

Да, он не успел стать поэтом. В немелких строках только издается дарование. Но строки эти помогли ему и его товарищам бороться с тяжким недугом, вернуть его к жизни.

Весь он нахоио не сложился трудностям — с детских лет. Мать Володы Шерпанко, Елизавета Алексеевна, рассказывает:

— Писать Володя начал незадолго до смерти. В больнице. Стихи его о площади Труда на Игоревской заводе со своим читал. Ведь Игоревский завод — считался, аса наша с Володей жизнь... Брату же после блокады кончал он ремесленное. И вместе помыли мы на Игоревский: я — в строительную бригаду, из ruins завод поднимать, а он — по специальности — слесарем. Тяжело было — блокада отняла у нас силы. Но он, сынок, не унывал. И меня поддерживал. Мур-то мой, Володя отец, еще с финской не вернулся.

Так Володя Шерпанко стал опорой матери, гордостью завода. Лучшим слесарем. Комсоргом. Душой рабочей заставы.

Строки его стихов принадлежат летописи ратного завода. А летописи эта бесценна.

Владимир ШЕРПАНКО

ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ В МАЕ

Были мавки, потом забастовки. Потом баррикады и штурм дворца. А в прижому сюда без вынотки И без смертельного груза свинца. А в прижому сюда как хозяин В знаменном колоде, в весеннем

И цветал. Я прижому на Дворцовую в мае С песней, с улыбочко на устах. Я видел ее в блонадуи зиму, Я с площадью вместе в ту зиму мерз.

И видел, как здесь цвеловани любили, Когда победу нам бы принес. Мальчишкой на ней была не однажды: И в праздник, и в будни, и в белую ночь.

Я рад цвеловат здесь камень каждый, Как мать целует любимую дочь. И если гранет, если придется Мерзнуть с нем вместе опять, Знаю, сила но мне найдется, И я сумею ее отстоять.

Пуля — цинк! — И вошла, как жало. Головою солдат понин, И вынотка из рук упала. Остывая, глаза смотрели Удивленно, немного зло. Вероятно, спросить хотели: Кто убил и убил за что? А ведь был молодой и красивый, И невеста его ждала. Поклонись мне яду, Россия, Он лежит на краю села.

РАБОТА

Вы знаете, что такое работа! Любимое дело, натруженность рук! Как говорит, поддержка друзей и подруг!

Такое поймешь и оценишь всем сердцем, Когда запертая трудиться врач. Когда дружно и некуда деться, Когда не спится, не спится в ночи. Слышите, люди! Волею не религия: Не отречься, не обойти. Я читаю газеты и книги, И как в замкнутой том, кто в пути, Как я завидую вам, мальчишки, Вам, строителя и слесари! Всею, кто в этой жизни неощущен, Всею, кто глотает, поднимая вперед. Это радость даже в усталости, Это счастье трудиться любя — Кто не ценит, достоин жалости, Тот обирадувет себя.

История, о которой я хочу рассказать, произошла с человеком столь же обыкновенным, как ваш сосед по дому, таким же знакомым каждому из нас, как товарищ по институту или по работе.

Имя героя этой истории — Леонид Красов, он живет в Москве на 3-й Миусской улице, в доме № 8/9.

Профессия его — врач, хирург. Окончил 2-й Московский медицинский институт — второй институт в своей жизни. Первым был Московский институт филологии. Игале: врач, боксер, плавец, мотоциклист, горнолыжник и так далее. По-настоящему не было видов спорта, требующих отваги, риска, ловкости, которыми бы не увлекался Леонид. Добавьте к этому: высокий, черноволосый, красивый парень с фигурой атлета. Таков портрет героя нашей истории, история которого началась 17 февраля 1963 года, около двух часов дня.

Жизнь Красова к тому времени складывалась следующим образом. Около шести лет он работал хирургом в Институте скорой помощи имени Склифосовского и в 14-й московской городской больнице. Он обратил на себя внимание коллег смелостью операций и мастерством. О Красове начали говорить как о таланте. Больные верили в молодого хирурга как в очень доброго, дружелюбного человека. Красов начал подумывать о научной диссертации...

В день 17 февраля, когда это все началось, на столе Леонида лежало неоконченное письмо девушке. Он писал его медленно: очень важное письмо. Он был уверен, что именно она, эта девушка, станет навсегда его другом, спутницей жизни.

17 февраля был ясный, солнечный зимний день. Воскресенье.

«...Больной КРАСОВ Л. И., 34 лет, по профессии врач, доцент 1-го института имени Склифосовского 17 февраля 1963 года в 17.00 на машине «Скорой помощи» в тяжелом состоянии, с явлениями глубокого паралича нижних конечностей и тазовых функций.

Анамнез: при прыжке на лыжах с трамплина удержался спиной о деревянный столб.

На рентгенограммах позвоночника выявлен компрессионный перелом-вывих одного позвонка (L1) и оскольчатые переломы поперечных отростков (L1—L2—L3). 17.02.63. 22.00—0.30 произведена операция — ламинэктомия, при которой обнаружены разрыв твердой мозговой оболочки, частичный перелом спинного мозга на уровне L2, с выделением мозгового детрита, разрыв и размоложение пяти корешков конского хвоста. Мозговой детрит, обрывные оболочки, осколки дужек и ступени крови удалены. Послеоперационное течение тяжелое.

(Из истории болезни № 3533.)

Осталось недописанным. На следующий день двое больных назначено на операцию к доктору Красову. Вечером лыжи прыдут в бассейне — Леонид Красов тренирует команду к соревнованиям. Дома тоже целый список дел. Жизнь почти оборвалась. Смерть еще не наступила. Осталась только чудовищная боль. И еще сознание. Сознание, которое не покидало его ни на минуту. Только только человек жив. До сих пор жив — вот уже целые сутки.

Лыбета устали — тренировались с утра до обеда в хорошем темпе, с полной нагрузкой. Но Красов был неутомим: «Закончим тренировку прыжками с трамплина!» И лыжи повернули к трамплину. Леонид обнаружил его недавно. Здесь, в Фишаново, был построен самодельный трамплин, в общем, неплохой, вполне подходящий для тренировок, хотя еще, опытно прыгнув и слаломисту, эта горка казалась маловатой.

И вот они у трамплина. Леонид прыгает первым.

Случился непредвиденный. Пощадишь винту, там же лыжня, набрав скорость, выбрав угол, в козлу, рывком. А потом заскользил снегом и сделал занос, но чуть-чуть изменил угол отрыва. И это чуть-чуть удлинило траекторию полета. Красов прыгнул тут же несколько раз и хорошо знал склон. Не знал только режим площадок. И потому, прыгнувшись пос-

Марк БАРИНОВ

ЭКСПЕРИМЕНТ ДОКТОРА КРАСОВА

«...Теперь я не волен над своей жизнью:

она принадлежит
суровому
длительному
эксперименту.

Мои дни заполнены
новым содержанием
и смыслом.

большо, с немощью. Завтра же одно очнев, выжить, обстоятельства: с самого начала случившегося он сам руководит собственным спасением, а позже — лечением.

«...Бой! Каждая катка моего тела кричит и стонет от боли. Я весь пропитан этой болью, протискиваясь в сплошной комке боли. Характер боли самый разнообразный, целый набор, коллекция: тупые, ноющие, стреляющие, деражающие, сверлящие, сжимающие, с примесью оцущения жевания, жжения, холода... Может быть, это все то самое? Кого? Он кончится? А если не кончится? Дайте хоть собраться с мыслями! Понять, что же произошло...»

Неправильная катастрофа. Надо пережить это, но понять невозможно, непостижимо, не в моих силах!

«...Ночь, зловещая, как мизанс. Сон витает где-то рядом, но не смеет приблизиться. Если бы кто-то умер, смерть пришла ко мне сейчас, с какой готовностью я сбежал бы к ней...»

«...Меня пытаются убедить коллегами, что сейчас переходящая моя обязанность — покой. Покой — покой! Нет, это не каламбур, а робкие попытки. Как можно абсолютно обезболить человека, вся жизнь которого была до этого в движении! Мало сказать — вредно. Это все равно что остановить поезд на полном ходу. Нет, только не покой! Покой для меня — это тязелье физические пытки и непрерывные душевные терзания. Для парализованных мышц это быстрая атрофия, перерождение до бездействия. Это сдвиг нервных волокон, ожеретие проводящих путей, забвение навыков в ходьбе, умении, приобретенных в жизни. Наоборот, движение — это жизнь, движение — это жизнь для духа и плечевого пояса, пассивные для нас. Непрерывно мыслить в парализованные мышцы, жить в них, мысленно повторять движения, не позволяя зрительным нервным путям, не давая расширять нервы и мышцы. Пусть не получилось со всеми нервами и вырвать часть здоровья будет очень трудно, но должен...»

(Это строки из дневника Леонида Красова. Он начал диктовать на третий день после операции.)

Э то был физически сильный, хорошо тренированный человек. Катастрофа показала, что он человек, сильный духом. Он мужественно встретил страшное несчастье, принял единственное достоинство человека, признав: бороться и победить! Заметил одно важное обстоятельство, обратил внимание на одну мысль, записанную в дневнике. Друзья, врачи, опытные хирурги из больницы института имени Склифосовского на основании опыта многих лет, таская и таская больные тела, что человек со сломанным позвоночником и парализованной половиной тела обречен на покой, неподвижность. Это его судьба. В этом его спасение. И коллеги Красов, больной Красов тут же, на третий день, принимал совершенно противоположное решение: только движение! И сам тут же диктует в дневник мысли, развинул им впоследствии в целую систему мучительных, невероятных тяжелей, но единственно верных, ведущих к победе физических упражнений.

Вся его дальнейшая жизнь — героическая борьба с болью, с отчаянием. Но Леонид Красов не был горем-одиночкой. С самого первого дня, с самого момента катастрофы рядом с ним, плечом к плечу, подкрепляя его, ободрая, помогая, шли друзья. И с каждым днем их становилось все больше. Надо ли называть их имена? Простой перечень нежных но сжигает — каждый из них любили, достоин самых высоких слов. Знаю по личному знакомству Леонида составили друзья-спортсмены, медики-слушатели, бывшие больные врача Красова. Они установили круглогодичное дежурство, они конструировали и изготавливали специальную аппаратуру для упражнений, ободрили, поддерживали минуты. Они окружили товарища колом дружбы, любовью, участием.

Нет, не могу не назвать нескольких из них, и пусть другие не обижаются: ведь я пишу очерк, а не повесть — просто места в тексте. Это Владимир Глик. Володя, старый школьный товарищ. Он одним из первых прорвался в палату к Леониду. Он сказал: «Я, мой родители, мой брат, мой жена — в твоих распоряжении. Теперь, что бы ты ни хотел, просто место в кровати. И вот на один шаг не отступил от своих слов.

Елена Николаевна Клокова. Ей семидесят лет. Лечилась у доктора Красова, и он ее вылечил. Она пришла в больницу и сказала: «Я одна, у меня никого нет. Да и нас сделали асы. Я сделала все. Стала сиделкой, няней, матерью.

Натasha Заглицева, Юра Элькин, Юрий Морозов... Нет, я уже сказал: их много, и простым перечислением ничего не скажешь. Без их поддержки, без их каждодневного участия было бы трудно.

На седьмой день Леонид уже начал постепенно осваиваться со своим новым положением, со своей новой, ужасной, тягостной жизнью.

«Побоялся медсестры Вала и подала мне книгу с интригующим названием «Драматическая медицина». Автор — замечательный австрийский писатель и ученый Гуго Глазер. Эпиграф: «Света Фруна, сораши». Книга тут же привлекла мое внимание, и уже скоро я не мог оторваться от нее, захваченный красотой повидва малоизвестных или совсем неизвестных врачей, ставивших на себе смертельно опасные и нередко зыбкие эксперименты, стараясь распознать причины и пути борьбы с заболеваниями. Они проглатывали культуры бацилл. Они проводили на себе первые предохранительные прививки против бешенства, оспы. Они ложились в еще теплую постель, с которой склиз тело умершего от чумы, надевали рубашку, испачканную кровью и зноя, они не стра-

шились ничем, лишь бы раскрыть загадку различных заболеваний, найти способ борьбы с ними.

Не боги, не Гиллокротова клятва, не какие-нибудь обязательства толкали людей к подобным благородным деяниям, к героическим поступкам. Они совершали их из собственных побуждений, в большинстве случаев даже не сознавая, что делают что-то особенное, не думая об опасности, которой себя подвергают.

В июльскую ночь 1905 года врач-терапевт Нотнагель, страдая спазмом сосудов сердца, понял, что это, возможно, его последняя ночь, описал классическую картину тяжелейшего приступа грудной жабы.

Доктор Х. Линдеман на лодке-пирог пересек под парусом Атлантический океан за 119 дней. Будучи неоднократно на грани отчаяния, он извлек очень важный урок: моральный фактор столь же, если не более, важен, сколь и физическая подготовка, здоровье человека. Если человек отчаянется, впадает в панику, которая обычно опережает катастрофу, он становится жертвой напалома и теряет власть над собой.

Я читаю, и новая, кажется, очень большая, важная мысль заполняет меня без остатка. А почему бы мне из моей случайной трагедии не сделать медицинский эксперимент: систематически вести дневник наблюдений над самим собой, своим состоянием, пробовать на себе новые методы лечения, особые режимы тренировок! А потом, независимо от результатов, поделиться с врачами, с людьми, пережившими подобные травмы, моими достижениями, переживаниями, предостеречь от возможных ошибок, рекомендовать новое, более действенное лечение, испытанное на самом себе!

Подобный случай не описан в этой книге, хотя охватывает почти все ветви медицины. Да и кто же решится добровольно сломать себе шею! Искусственные повреждения спинного мозга производят только на подопытных животных. Подобные эксперименты на людях немислалы. Но раз случилось, надо воспользоваться ценным случаем и извлечь из него максимум пользы. Тем более, что мой вывих-перелом чистый, без сопутствующих заболеваний, как в настоящем эксперименте. И моих знаний вполне достаточно. У нас имеют

права поступать иначе, так легкомысленно, несерьезно распорядиться своей судьбой, удаля от своих обязанностей врача...

Мы продолжаем наш очерк. Итак, через минуту после катастрофы Красов руководит собственным спасением. Через день после операции он принимает муштвенное решение бороться за жизнь, за здоровье, идти неизвестными путем, бороться с параличом, с неподвижностью. Через шесть дней после катастрофы врач Красов начинает вести над собой экспериментальное исследование. Именно исследование, а не пассивную регистрацию событий. Он будет пробовать на себе новые лекарства, он будет испытывать новые приспособления, он будет отработывать новую методику упражнений для спинальных больных.

Не следует при этом забывать: он невероятно страдает от боли, одно за другим он отражает сопутствующие заболевания, он испытывает нечеловеческие мучения от того, что фактически вся нижняя половина тела парализована.

Итак, доктор Красов ставит эксперимент. Дневник Леонида Красова приобретает черты дневника обычной лабораторной научно-исследовательского института. В нем точные записи результатов тренировок, подробное описание состояния больного, обстоятельный перечень лекарств, дозировок, график назначений. В конце короткой биографии.

«...22.02.68. 8.00. Начало 5-го дня новой жизни. Утренняя гимнастическая процедура. Легкий завтрак. Утреннюю (самостоятельную) гимнастику наполнила новыми упражнениями, которые стали распространяться и захватывать мышечные группы торса и движения на позвоночнике. Надо поставить позвонки на место, не дать им осесть в новом положении. (Далее следует подробное описание физических упражнений.)

«...Активную и пассивную гимнастику я стал повторять до трех раз в течение дня».

Спустя несколько месяцев, когда мучилные, еще не верящие врачам выкрики называть время, когда больному позвонку попытаться встать на ноги, Красов начинает понимать, что его эксперимент, его исследования могут стать пособием для врачей, вселить надежду в больных. Сейчас, когда первые результаты, которые задала, начинают рисоваться перед Леонидом. Надо вернуть здоровье у недуга, надо как можно полнее восстановить его. Он на самом верном пути лечения переломов позвоночника. Сделав это, он не просто поможет, он укажет путь, вдохнет веру и мужество в сердца больных, искалеченных людей.

На седьмой месяц Леонид, врач, друзья принимают решение о необходимости лечения в санатории. И вот Леонид едет в Сакхи.

«Маленький курортный город переломлен больными с переломами спины, которые связывают сюда для лечения, а многие остаются здесь жить навсегда. Основное средство передвижения их — инвалидные коляски, для которых оборудованы специальные звезды и стовики в магазинах, кино, театре.

Одни не хотят смириться со своим положением и всецело борются с недугом, тренируют себя, а хобби, преодолевая беспомощность. Но таких мало. Большинство не верят в исцеление, постепенно сдаются, смиряются, начинают работать на дому или в артиле инвалидов. Немало и слабых душой, которые отчаиваются, пасуют, начинают пить водку, озлобляются, хулиганят, терпят человеческий облик.

Все это не дает мне покоя. Могу постоянно терпеть, ты обязан что-то делать, обязан помочь, облегчить страдания несчастных, указать путь к восстановлению здоровья, органов движения.

Но прежде заверши эксперимент, сделай так, чтобы тебе поверили. Стань наглядным примером того, чего можно достигнуть, к чему надо стремиться.

А успехи были явными. Позвонки встал на место. Тазовые органы все ближе и ближе подошли к нормальному состоянию. Леонид часто плавал в море (правда, работало только руками). Уже сдвинулись два-три пальца на ногах. То, что могло ускользнуть от внимания обычного больного, было ясно видно врачу-экспериментатору, подтверждалось бесстрастными свидетельствами дневника. Тяжелый, мучительный опыт больного деваль бесценный материал в руки врача.

Врач Красов, постоянно консультируется с врачом Красовым, выработав новый, все более сложный управленческий. Человек сложной воле ставал изученному, искалеченному тело выполнять по несколько раз в день серии упражнений. Врачи восхищались, но сомневались. Больные восхищались и завидовали. Но Красов продолжал работу, не слушая ни похвал, ни порицаний: эксперимент был все далек от завершения.

Однажды в воскресный день дежурная медсестра сказала Леониду, что с одним из больных, тоже лежачим в санатории, плохое. Что-то случилось с ногой. Похоже, заражение. В воскресенье в санатории был только один дежурный врач. Красов попросил привезти к нему больного. Одного взгляда было достаточно для хирурга, чтобы вынести заключение: операция, положение чрезвычайно опасно, нужна немедленная операция. Хирурга в санатории не было вообще. Большой товарищ, медсестра, врач с надеждой смотрели на Красова.

«Я был хирургом! Я год не держал в руках скальпель! Я ведь даже сесть не могу, не то что делать операцию! Вы не знаете, как болит спина! — Но он не произнес этих слов.

«Возите его в перевязочную! Возите и меня туда же! Мне помазать руки йодом, продезинфицировать спиртом, облить йодом! — Голос врача цокнул, отчетливо. — Будете держать меня за спину. Если вскрикну, не обращайтесь внимания. Инструменты!».

Сердце замерло, когда он ощутил знакомую легкость скальпеля. Сперва терпел всю весел, потом боль отошла куда-то — не исчезла, просто перестала восприниматься. Движения были точными, спойными. Трудно было ассистировать своим сестрам: помогали в операции одновременно аккуратно, стараясь причинить возможно меньшую боль, поддерживали врача-больного.

Необычная операция прошла благополучно. Наутро температура спала, а еще через день страшную угрозу напоминала только повязка на ноге.

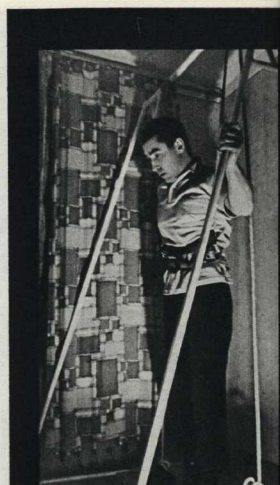
Многие месяцы, годы. Леонид Красов побывал почти во всех лечебных учреждениях, где просидели курсы лечения больных с поврежденным позвоночником и спинного мозга. Центральный институт травматологии и ортопедии, институт имени Склифосовского, Институт неврологии, санатории в Сакхи, в Елбурском. Он внимательно изучил, следил за состоянием методов и практик лечения спинальных больных, делал выводы, записывал свои наблюдения.

Если происходит повреждение позвоночника и спинного мозга в области поясницы, результатом травмы становится паралич ног и тазовых органов. Человек обречен на жизнь в постели, в лучшем случае он будет передвигаться в инвалидной коляске. Тело его заключают в металлический корсет, мышцы ног атрофируются, естественные отправления приобретают крайне мучительный характер. Если позвоночник поврежден в области шейных позвонков, — полный паралич рук и ног. «Шейники» считаются мучениями среди всех спинальных больных. Среди травматических больных, поступающих в больницы, четыре процента падают на спинальных больных — цифра огромная, особенно если учесть, что эти больные почти полностью попадают в разряд инвалидов.

Чем же лечат эти несчастных? Практика медицины тут один ответ: лечебной гимнастикой. Но как? Тут начинаются разногласия, ибо проблема эта очень и очень мало изучена. Кто должен делать врач в первые же дни после несчастного случая? Когда делать операцию? Какие упражнения и какой режим нагрузок могут привести к желаемому результату? Наконец, какими должны быть аппараты для проведения лечебной гимнастики? Когда наступают основные этапы в лечении больного, когда он может подняться? Если дать развернутые ответы на эти вопросы, получится стройная система лечения спинальных больных. Такого исследования нет. Но оно будет создано. Доктор Красов в этом твердо уверен.

Мы уже говорили о том, что Леонид был окружен тесным кольцом друзей. Но скажите, что он только пользовался их помощью, было бы неверно.

В первые дни пребывания Красова в институте имени Склифосовского в больницу попал с подобной же травмой больной Л. Состояние его было значительно легче, чем у Красова, но человек ударился в панику, твердил о само-

И сейчас, четыре года спустя, добившись, казалось бы, немалых успехов, Леонид продолжает тренироваться, по-прежнему усложняя упражнения. Через год он снова собирается стать на ноги.

фото В. МИШИНА

убийств. Врачи перевели Л. в палату к Красову. Примерно, словом, иногда ласковым, иногда грубым, Левонид заставлял его по очереди то смачно стирать руки, поверить в себя, в возможность бороться. Этого человек был первым пациентом доктора Красова. А потом больных, нуждающихся в помощи и находящихся все у Красова, становилось все больше. В Краеве привез в Севск провал себя больных сенсацию. Вокруг Красова сразу образовался кружок любителей. Один восхвалялся, другое совмещались, третьи завидовали, но больше всего хотелось учиться. Вскоре его метод, Леонид неожиданно для себя почувствовал, как расширяться его эксперимент: это вошло включало все больше и больше людей. Задачи, которые ставились, постепенно увеличивались каждый день, ставились. Постоянно прибавлять к мучениям от боли, от побочных недомоганий еще и изнуряющий физический труд, упражнения, но давал себе ни минуты, ни секунды. Такое много выдержат не многие. Но это был единственный возможный путь к возврату в нормальную жизнь.

А Красов занимался не только самонаблюдением, а включал в работу круг исследователей своих пациентов. Он очень гордится тем, что полностью принял и точно выводит его программу. Успехи у этих людей налицо. Он внимательно образом изучает физику, релаксы, тем, что касается, но не останавливается на этом, это внешне данные для его работы. Ведь в будущем он должен предложить врачам точные рекомендации, как проводить лечение с больными всех категорий: а с сильными, волевыми, и слабыми. Но давал себе ни минуты, ни секунды. Он уверен в своем успехе, и в истинности надежды.

Он ведет истории болезней своих пациентов. Не совсем обычные. Здесь не только медицинские данные. Здесь еще и письма.

А Красов занимался не только самонаблюдением, а включал в работу круг исследователей своих пациентов. Он очень гордится тем, что полностью принял и точно выводит его программу. Успехи у этих людей налицо. Он внимательно образом изучает физику, релаксы, тем, что касается, но не останавливается на этом, это внешне данные для его работы. Ведь в будущем он должен предложить врачам точные рекомендации, как проводить лечение с больными всех категорий: а с сильными, волевыми, и слабыми. Но давал себе ни минуты, ни секунды. Он уверен в своем успехе, и в истинности надежды.

Он ведет истории болезней своих пациентов. Не совсем обычные. Здесь не только медицинские данные. Здесь еще и письма.

А Красов занимался не только самонаблюдением, а включал в работу круг исследователей своих пациентов. Он очень гордится тем, что полностью принял и точно выводит его программу. Успехи у этих людей налицо. Он внимательно образом изучает физику, релаксы, тем, что касается, но не останавливается на этом, это внешне данные для его работы. Ведь в будущем он должен предложить врачам точные рекомендации, как проводить лечение с больными всех категорий: а с сильными, волевыми, и слабыми. Но давал себе ни минуты, ни секунды. Он уверен в своем успехе, и в истинности надежды.

Он ведет истории болезней своих пациентов. Не совсем обычные. Здесь не только медицинские данные. Здесь еще и письма.

Дальше Вячеслав подробно докладывает о ходе лечения, о результатах, достигнутых тренировками по методу Красова.

В прошлом году в «Комсомольской правде» был опубликован очерк Ю. Калинина о летчике-испытателе Валентине Перове. Он был уже опытным летчиком, но много нового ему пришлось пережить, когда случилась беда. Перов испытывал новый аппарат. На высоте 1500 метров при испытании за пределами допустимых перегрузок у планера отвалилось крыло. Началось беспорядочное падение. Кошмар завалило, выбраться из кабины оказалось невозможным. Валентин остался жив, но... перелом позвоночника, парализованы руки, ноги.

Мужественный человек не смирился с приговором врачей.

Когда в мае прошлого года Красов и Перов встретились (Леонид привез к летчику опытный аппарат), Перов с гордостью продемонстрировал гостю свои руки — они вылезли штырями — 60 инструкторов! «А почему займусь ноггами» — завывал Валентин. Красов резко возразил: ни в коем случае нельзя оставлять без внимания ни одной части тела. Наоборот, надо прежде всего подтягивать отставшие и принять полностью всю его программу. «Хватит нагонять мускулы, отработай тонкие движения пальцев!» — поставил вопрос задачу для рук Леонид.

Сейчас, почти год спустя после встречи с Красовым, Леонид вспоминает с ним в Севске. Он ушел с машины, но потерявший себя, не видящего перспектив молодого человека. После соответствующей психологической подготовки Красов разработал подробную программу занятий для больного. А затем подарил Леониду манекен — основной аппарат для начальных шагов.

Валентин ни одного дня не отступал от программы. Вернувшись в Москву, он лечится в Институте протезирования и протезной обуви в Ленинском районе, наблюдая своего больного, Красов пришел к выводу, что он выдержит дополнительную нагрузку. По ходатайству Леонид привез в палату к Валентину К. перевези другого больного, чтобы из числа больных Красов мог выбрать наиболее подходящего. Как говорится, со слабиком. Не всегда хватало у него воли точно выполнять тяжелую программу. Красов дал задание Валентину: тыяи! И Валентин тянул, он принял эстафету.

Валентин ни одного дня не отступал от программы. Вернувшись в Москву, он лечится в Институте протезирования и протезной обуви в Ленинском районе, наблюдая своего больного, Красов пришел к выводу, что он выдержит дополнительную нагрузку. По ходатайству Леонид привез в палату к Валентину К. перевези другого больного, чтобы из числа больных Красов мог выбрать наиболее подходящего. Как говорится, со слабиком. Не всегда хватало у него воли точно выполнять тяжелую программу. Красов дал задание Валентину: тыяи! И Валентин тянул, он принял эстафету.

Валентин ни одного дня не отступал от программы. Вернувшись в Москву, он лечится в Институте протезирования и протезной обуви в Ленинском районе, наблюдая своего больного, Красов пришел к выводу, что он выдержит дополнительную нагрузку. По ходатайству Леонид привез в палату к Валентину К. перевези другого больного, чтобы из числа больных Красов мог выбрать наиболее подходящего. Как говорится, со слабиком. Не всегда хватало у него воли точно выполнять тяжелую программу. Красов дал задание Валентину: тыяи! И Валентин тянул, он принял эстафету.

Валентин ни одного дня не отступал от программы. Вернувшись в Москву, он лечится в Институте протезирования и протезной обуви в Ленинском районе, наблюдая своего больного, Красов пришел к выводу, что он выдержит дополнительную нагрузку. По ходатайству Леонид привез в палату к Валентину К. перевези другого больного, чтобы из числа больных Красов мог выбрать наиболее подходящего. Как говорится, со слабиком. Не всегда хватало у него воли точно выполнять тяжелую программу. Красов дал задание Валентину: тыяи! И Валентин тянул, он принял эстафету.

Валентин ни одного дня не отступал от программы. Вернувшись в Москву, он лечится в Институте протезирования и протезной обуви в Ленинском районе, наблюдая своего больного, Красов пришел к выводу, что он выдержит дополнительную нагрузку. По ходатайству Леонид привез в палату к Валентину К. перевези другого больного, чтобы из числа больных Красов мог выбрать наиболее подходящего. Как говорится, со слабиком. Не всегда хватало у него воли точно выполнять тяжелую программу. Красов дал задание Валентину: тыяи! И Валентин тянул, он принял эстафету.

Валентин ни одного дня не отступал от программы. Вернувшись в Москву, он лечится в Институте протезирования и протезной обуви в Ленинском районе, наблюдая своего больного, Красов пришел к выводу, что он выдержит дополнительную нагрузку. По ходатайству Леонид привез в палату к Валентину К. перевези другого больного, чтобы из числа больных Красов мог выбрать наиболее подходящего. Как говорится, со слабиком. Не всегда хватало у него воли точно выполнять тяжелую программу. Красов дал задание Валентину: тыяи! И Валентин тянул, он принял эстафету.

Валентин ни одного дня не отступал от программы. Вернувшись в Москву, он лечится в Институте протезирования и протезной обуви в Ленинском районе, наблюдая своего больного, Красов пришел к выводу, что он выдержит дополнительную нагрузку. По ходатайству Леонид привез в палату к Валентину К. перевези другого больного, чтобы из числа больных Красов мог выбрать наиболее подходящего. Как говорится, со слабиком. Не всегда хватало у него воли точно выполнять тяжелую программу. Красов дал задание Валентину: тыяи! И Валентин тянул, он принял эстафету.

1-й год. Десять с половиной месяцев прикованный к постели, беспомощный, с серией самых неожиданных осложнений. Казалось, никогда не было мне так тяжело, благодарствую, горько. Слава Богу, предалась отчаянию, но около меня друзья. Они безразлично верт в меня. И я их подбирала в этой вере своим упорством и желанием аstate на ноги, а они, в свою очередь, стимулируют меня своей верой, своей искренней помощью.

2-й год. Я исполнил задуманное год назад. Два года успел, упресть, отчаяний, ослаблений, падений и подвохов — а вот я стою, могу передвигаться по комнате-без всяких приборов и аппаратов в манеже.

3-й год. 3 года борьбы — и вот я уже выхожу на улицу! Со специальными палочками для спуска по лестнице и поднимаюсь с помощью друга.

4-й год. Я полностью самостоятелен. Хожу в театр. Хожу к больным, занимаюсь с ними: лечебная гимнастика, бассейн, на велосипед. Новый год впервые встречал вне дома, в компании здоровых, крепких молодых людей. Старался не впасть в отчаяние, не потерять интереса, ни в шаталомко. В день 6 утра встретил Новый год, 3—4 часа сон, а затем прогулка по городу. Прождала праздник у меня дома.

*01.67.

Сегодня мне позвонил В. Перов, и я, как два года назад, когда впервые мои ноги удержали меня на какое-то мгновение, переживаю его успех. Я каждый раз испытываю это чувство повторно, когда слышу, что мои большие достижения существенных, видимых успехов. Мой труд, мои идеи воплощаются в жизнь. Уже не только я, а мои больные достигают успехов, завоюют верой, надеждой. Я уже составил план, программу, что предстоит сделать в жизни моей, внедряю новое в медицину. Мои партнеры уже мои!

Я слышал восторг в голосе Перова — он впервые с помощью бакинских рам над кроваткой встал во весь рост и зашагал на шкэф! Это приятно только и мне. Такие маленькие победы окрыляют, вселяют надежды, питают новыми силами...

В этих дневниковых записках Леонид Красов подает итоги своей борьбы за четыре года. Подвиги и мои и тыиного беглому исследованию человеческого характера.

Он не растерялся с первой же минуты несчастья. С самого же начала он принимает решение: превратить несчастье в научный эксперимент, стать одновременно и исследователем и объектом исследования. Он встречается с людьми, страдающими, жаждущими помощи, и слышит им на помощь, сам начинает вливать воду.

Откуда он, Леонид Красов? Наш московский парень. Воспитанник детского дома. Приемная мать его шестнадцатилетней девушкой арлась на баррикадах 1905 года, а после революции работала у Дзержинского. Жизнь свою посвящает своим больным. Воспитанник советских институтов, воспитанник нашего советского общества, герой нашего времени.

ОТ РЕДАКЦИИ:

Прежде чем отправить очерк в набор, мы беседовали с летчиком враном Леонидом Ильичем Красовым, Владимиром Львовичем Накидиным, специалистом из Нейроортопедического института имени Бурденко.

«... Я никогда бы не поверил, что у Красова было такое сложное повреждение спинного мозга, если бы об этом не свидетельствовали документы. Эксперимент Красова представляет собой несомненную ценность для науки. Результаты, полученные больными-экспериментаторами, выводят со специалистами с дневником Красова должны быть обработаны и изданы — они имеют представляющую большую ценность. Для дальнейшей разработки методики Красова следовало бы организовать стационар на пять-шесть коек, где он вел бы группу больных. И, наконец, мужественный экспериментатор должен немедленно заступить за научную диссертацию».

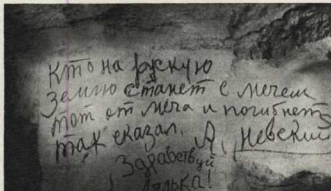
К этому мнению присоединяется редакция, для продолжения своих наблюдений Красов фактически вынужден заниматься самодеятельностью: посылать копии своих дневников больным, ездить по всему городу и консультировать своих неофициальных пациентов, читать лекции случайной аудитории. И тому же, ведя подлинно научную работу, он живет на инвалидную пенсию. Дело, которым он занимается, не компенсируется, что Министерство здравоохранения СССР и Академия медицинских наук обратят на эксперимент доктора Красова должное внимание.

Валерий ТУР,
Павел ФИНН

ВЕЩАМ ВАН ПЕ

Фото А. ЛЕХМУСА

Штыком вырублены на стене эти вещи слова.

В августовской Одессе было жарко, сухо и шумно. По улице Советской Армии шел трамвай номер три, и звонок его напомнил вытнутую в воздухе между домами нитку с бусами, вывешенными обитателями городских домов. Конечная остановка третьего трамвая на Керсонской набережной. Там мы пересели на двадцатый, чтобы доехать до Харьковского лимана.

Мы были в ватниках, штормовках, спортивных куртках. У нас были рюкзаки, фонари, гитары. Мы пели песни под эту гитару, и кондукторша, принимая у нас деньги за шесть билетов, сказала:

— А веселая компания! Давно нас не было видно.

В середине нашего пути за окнами внезапно возникла ночь, такая яркая, такая гоголевская ночь, какая бывает, видно, только на Украине!

Играли гитары, танцевали по рельсам вагоны, справа и слева танцевали клубящиеся в сонной кромке тьмы деревья, танцевали ловящие черные линии кровель, танцевали высокие звезды на небе. Базалось, что тьма будет все сходить и сходить перед нами, как стены кирдара, но кирдар этот не замечается никогда, и мы так и будем ехать ехать в вагонах.

Однако пора было выходить. Мы пошли налево от трамвайных путей по узкой тропе. Через полчаса ходьбы мы остановились. В свете фонарей увидели перед собой чернеющую в средине холма отверстие; оно дышало прохладой, сыростью и смотрело на нас пристально и недобро.

И вот мы один за другим стали слушаться под землю, в катаномею.

Каждый сразу же замолк. Фонарь. Перед нами были сырые, теплые стены, местами заставленные штабелями неогороженного здесь камнерушничества. В разные стороны отходили бесчисленные штрыны. Одни из них уходили в темноту. Другие упирались в завалы.

Мы шли и шли, попадая то в мрачно-красивые залы с высоко вознесенными сводами, то в тесные «комнатушки», где можно было только сидеть. Мы переходили с этажа на этаж и наконец оказались в ходе, в котором резко под углом снижались пол, провалы был виден штырек. В нем стояла вода. Никогда не видевшая солнца и неба, она назвалась майютой потусторонней, инпланетной.

Погас фонарь. Пропусти вперед всех своих спутников. Когда ты остаешься один, совсем один, вспоминая то, кому приходилось жить здесь месяцами. И не просто жить, а беспрестанно поддерживать в себе силы для боя, разведки, бдительности и надежды.

Теперь вновь замолк фонарь. Пристрелись! Видишь, надписи на стене! Читай!

«Здесь жили патриоты своей Родины партизаны Белоусов А. А. и Белоусова М. И. Они пришли в партизанский лагерь 3.11.1942 г. с трехмесячным сыном Белоусовым А. А. Жила эта семья долго, но пришлось недолго жить. Так же, как и другие, они погибли в бою. В ночь с 22 июня 1942 года Белоусова М. И. вместе с сыном на руках была по-

слана на выполнение партизанского задания, Белоусова М. И. партизанское задание выполнила с честью. После задания Белоусову М. И. полиция — предатель Родины Капышевский М. и Девянка Г. ухватили, как истреби. Подверглась она жестокой пытке. Несмотря на жестокие пытки, она не открыла партизанские тайны. После жестоких пыток ее приговорили к пятнадцати годам тюремного заключения. В 1944 г., когда приближались советские войска, немецкие бандиты вывели ее вместе с товарищами за Одессу и расстреляли. После освобождения трупы подобранные и погребены в городе, на слободы. Честь и слава бойцам, погибшим за освобождение своей Родины!

Это написано большими черными буквами на сырой стене подземелья.

Нас, двух журналистов из Москвы, вели по катаномеям члены одесского молодежного отряда «Поиск».

«Что такое «Поиск», как он возник и чем занимается?»

В 1966 году несколько студентов Одесского политехнического института организовали отряд для исследования знаменитых одесских катаномей. Понемногу отряд разрастался. Разными путями приходили сюда рабочие, студенты, школьники, военнослужащие. Сейчас это уже крепкая, многолюдная организация, со своими традициями, писаными и неписаными законами, планами и задачами.

Одесские катаномеи — это громадной протяженности, примерно около полутора тысяч километров, лабиринт разработки, которые переплетались и запутались настолько, что можно идти километр за километром, но так и не отыскать выхода. Помилуй, можно сказать, что объем створенной города равен объему пустоты под городами.

В вечно тьме подземелья скрыты еще многие и многие неразгаданные тайны. Здесь укрывалось и вело борьбу подполье двух революций и двух войн — гражданской и Великой Отечественной.

В поисках реликвий прошлого совершено уже около четырехсот подземных походов, ископано в общей сложности более тысячи километров. Обнаружены и изучены подземные базы партизанских отрядов Героя Советского Союза В. А. Молодцова, Выдаева и двух подпольных районов партизан — Пригородного и Овандо-польского. Совсем недавно, в августе, была обнаружена партизанская библиотека. Эта находка очень важна. Не исключено, что она поможет раскрыть совершенно неизвестную историю страны партизанского движения.

В раннем возрасте мы, как правило, стремились завести дружбу со старшими.

От тех, с кем мы встречаемся в юности, завист много для нашего будущего.

вал при случае разумные и точные советы.

Он отличается от ребят. И при этом был кем-то очень кстати, кем-то удивительно на месте среди них. Чувствовалась: он главный, он уважаемый.

Этот человек — начальник штаба «Поиски», инструктор горноаэромсомола, выпускник политехнического института, мастер спорта по турнзму двадцатидвухлетней Валя Юдин.

Это человек, про которого один экспансивный и восторженный «поисковец» сказал так:

— Вы спрашиваете меня за Юдин? Там запомните на всю жизнь: в Юдине есть половина гения!

В горномосковском кабинете Юдина звонко. Он поднял трубку. На нее доносились острые, местные звуки; казалось, мормыра подпрыгивает, так горло и громко говорит тот, кто находится на другом конце провода.

Юдин молча слушал. Потом, место принудившись, посмотрел на телефонный аппарат и сказал:

— Считаю, что сегодня решается твоя судьба. Не приходишь — будешь трусом.

Вечером в самом дальнем отсеке подавала на площади Мартановского на них сели ребята. Перед ними за круглый стол сели Юдин, Курченко, Древин.

Юдин тихо сказал:

— Мы собрались, чтобы разобрать персональное дело Панова... Олег, встань, пожалуйста, и поговори сова. Беловолосый, кудрявый Панов встал и незванно, но нервно вышел вперед.

Вот нулевой сурт его персонального дела. Ему семнадцать лет. Окончил восемь классов, поступил в профтехучилище, пробил там недолго, бросил. Поступил на завод, работая оноло ме-

саца, ушел. Работал статистом на институте. Просто нигде не работал. Горюном устроил его в музей. Через некоторое время ему предложили продать заявление об уходе. Снова он без дела...

И из-за этого, а также из-за его вечно паничности и надменной уверенности в собственной исключительности стал он в «Поиски» фигурой одиозной. Все дело в том, что на нем лежат ответственность за изучение подполья, он помощник Древина, в его руках многие важные документы, многие нити поисков. А ребята, которые работают с ним вместе, не уважают его. От этого страдает, даже срывается такая серьезная, такая нужная работа.

Он стоял перед собранием, наשמилло и обижено улыбаясь, а мы думали: стоит ли об этом писать? Ну какое в конце концов отношение имеет персональное дело Олега Панова и тому главному, что мы увидели в «Поиски»?

Но обитательница подавала вели себя неуважительно сдержанно и строго. Во всем, что здесь происходило сейчас, в вопросах и ответах, в выражении лиц, в интонациях ощущалось нечто весьма серьезное и, пожалуй, жесткое именно то главное, что мы пытались найти и сказать.

А в углу лежало трюмное временное оружие сорочковых годов, много раз бывшее в деле. Сохли на стене любительские, с крупным зорком фотографии Володи Индикана и Кости Копынина, погибших мальчишек-партизан. Сидела, нахмурившись, Древин, в пятнадцать лет не расстававшийся с панамом, потому что банды не давали покоя жителям города Чугинска. А в сейфе хранилась отпечатанная некогда на машине партизанская клятва со словами: «...за сокращения города и села, за смерть детей наших, за пытки, насилия и издевательства над нами издром...»

ЮДИН. Ты знаешь, Олег, насколько изучение подполья — сложная работа.

Этим у нас в основном занимаются старшие: Древин, Щерба, в какой-то мере я. Мы тут имеем дело с судачками людей. На тебе лежала большая ответственность... Ты понимаешь?.. Михаил Герасимович Древин — человек великий, отдавший очень много народу, Родине... Ты обязан был помогать ему лучше...

Кто-то говорит, что Панов сам работал неплохо, но его не уважали, и потому были срывы.

ЮДИН. Совершенно верно. Его авторитет пошателся и черту? А почему? Наш «Поиск» создавал для него только иллюзию значности, пригодности, полезности обществу. Здесь ему нравилось, он работал. На заводе было тяжело, но нравилось — он бросал завод.

Кто-то говорит, что надо Панова оставить в «Поиски».

ЮДИН. Сейчас он должен решить: или он ломается по всем направлениям и остается с нами, или — нет. Или он становится человеком, уверенным, или расстанется с отрядом. Но смотри, Олег, такими ребятами, как наши, не бросаются. Одним словом, сейчас все зависит от тебя. Если у нас появится уверенность в тебе...

Сам знаешь, люди здесь справедливые.

В ответ на это Панов ведет себя странно. Он вроде бы и согласен со всеми. Но, с другой стороны, в нем прелесть илюминат обиды, переломное умнение, уверенность в том, что он дает ему силы говорить с ребятами честно, просто, по-товарищески.

Юдин видит все это. Глядя мимо Панова, он говорит тихо, твердо и, пожалуй, с огорчением:

— Олег, ты трясина.

Все же Панову дана была возможность измениться. Но он позорно бросил «Поиски» в те дни, когда его знание материалов о подполье было необходимо. Теперь ему уже никогда не заслужить у ребят прощения.

Юдин как-то сказал нам:

— Я был бы последней сволочью, если бы назывался ребятами номандиром и мормочи бы ми головы номандиром. Но под землей бывает опаснее и сложнее. Там нужна дисциплина, выдержка. Потом Олег сам замочил, словно внутренне что-то обескуражил с самим собой, и добавил: Впрочем, и не только под землей бывает у нас сложно...

Или на свете Саша Фролов, и имел он права на влияние, да некоторые не слышали прекрасные свои дела. Он был из тех, кого называют изгнанными и скучными, нам серое сукно, словом, «труднодоступные».

Потом он попал в «Поиски». И его настолько захватила эта жизнь, выходы в катакомбы, дружба Фролов, поиски погибших героев, что он действительно преобразился. Причем он выносил в таком отличном человеке, что сейчас — а его в «Поиски» нет, он в армии, — сейчас ходит просто насторожда «легенда о Фроле». Мы сами видели, как в катакомбах двое ребят поссорились из-за того, что один утверждал, будто на стене метра Фролов, а Другой говорил нет. Мы сами видели, как ребята буквально расщеплялись, когда у них спрашивали о Фроле. Мы слышали, как рассказывал Коля Курченко, что Фролов присылает ему чуть ли не каждый месяц письма из армии, в которых дает задания, в какой подвечный ход идти.

Юдин говорит об этом с гордостью и удовольствием. И, разговаривая с ним, мы увидели в нем глубину, и сложность, и ту задушевную митроватную остротность, которая выдает характер, а не бестыщид, но зато крепкий и добротный, истинно мужской, солдатский.

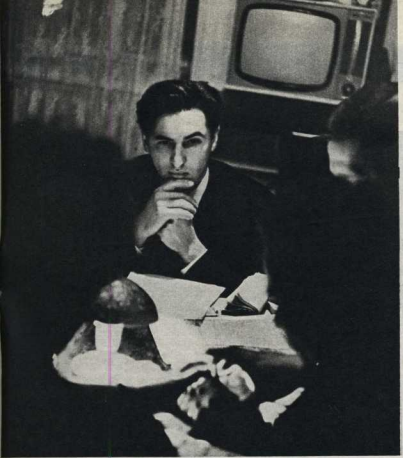
Мы поняли, что привлекает в нем ребят. Они чувствуют в нем справедливость, искренность, доверчивость и уверенное пристрастие и демократичность.

Последний привал перед выходом из подземья.

Группа «Поиски» разрабатывает свои «боевые пламы».

— Видите, лента пуста... Вой шел до последнего патрона!

Звучит голос героического прошлого. Штурман дальнего плавания Юрий Широкий читает письма своего погибшего в катакомбах отца.

Мы поняли, что приваивает в нем и бывших подползающих, пришедших в «Понис». Они видят в нем вдохновенное увлечение и героизму прошлого и упорное желание докопаться до самых мельчайших, самых забытых деталей истории обороны Одессы и одесского подполья.

В катакомбах чувствуется какая-то удивительная обаятельность. Рисунки, надписи, стрелки-указатели... В ту ночь, когда мы тут были, в катакомбах ходили несколько групп «Пониса». Один привел сюда туристов из Воронежа и показывал им следы партизанских ступней. Столовую. Место для дневального. Печку. Железную кровать. Ленинского коммуну.

Странно, но под землей совершенно не ощущается бег времени. Мы спустились сюда в десять часов вечера. В этот момент времени перестало существовать. Ровно через двенадцать часов, когда мы выйдем наверх, будет совершенно непонятно, почему, собственно, солнце светит с неба, почему сейчас утро, а не ночь?

Итак, в катакомбах ощущение времени исчезает. Все было очень весело, шумно, много шутили, играла гитара... Вдруг как-то неясная тревога, притягивающая из прошлого, носулась нас. За смутными, потерявшими во время двадцатичетырехлетнего пути определенность словами: Воду отравили мышьяком! — Газы, газы, пускают, сплочни! — Командир третий день не вернуется! — Ребята! Принимаем бой! — За Ровину! За наших матерей! За Одессу! — Кто идет? Пароль! Стрелять буду! — Гай, продавали! Именем спрашающего народа, именем погибших товарищей! — Слушай, комиссар, а жрать-то нечего! — Пролетай катакомба! — за всем этим мы услышали два негромких молодых голоса. Говорили они о любви.

Не очень еще понимаю, где мы —

в прошлом или в настоящем — мы увидели, как из-за поворота штрена медленно и бесшумно выплывают две фигуры. Он и она. Фонари светили в нашу сторону, и это нам раз мешало нам разглядеть их лица. Но голоса, словно исходящие из клубов света, слышны были отчетливо. И на фоне тревожных звуков прошлого прозвучал простой и вечный диалог этих подземных Ромео и Джульетты.

— Да. Хорошо.
— Тебя хорошо сейчас.
— Да. Хорошо.
— Ты на целых три года в аринно уходишь... Забудешь меня!
— Забуду! Ниногда!
— Ты меня любишь?
— Люблю.

Прошло. Темнота скрыла их. Было это или не было? Момент быль, сон? Что ж, если и сон, то добрый сон! А в десять утра огромный, жаркое солнце осветило мир. Мы вышли из подземелья. Мир был зеленый, синий, красный, летний, счастливым, первитый виноградниками, омытый прозрачной водой ручьями. Той же дорогой, что и вчера вечером, мы пошли обратно. Свернули налево и оказались в парке, где воздвигнут памятник партизанам. Сюда, по несбытовой традиции, приходит «консультант» после каждого подземного похода.

Среди деревьев стоит памятник с темно-золотыми бунжами на чугунной доске:

НЕСТИБАЕМЫМ БОРЦАМ
ПАРТИЗАНАМ ОДЕССЫ
1941—1944 гг.
ВЕРНАЯ ВАМ ЮНОСТЬ...

Э. ЛЫДИНА

Фото М. МУРАЗОВА
и Е. УМНОВА

У нее был счастливый, шумный дебют.

Заслуженно счастливый. Студантка ВГИК, третьекурница Наташа Величко, сыграла Асю Божанцеву в фильме Ю. Бондарева и В. Басова «Тихина».

«Если однажды собрать вместе целую галатею и журнальных статей, посвященных дебютантам, чья имена то и дело появляются в титрах новых фильмов, то, будь их двадцать, тридцать, сорок, столько статей, едва ли не в каждой из них сказано, что молодая актриса «обаятельна, непосредственна, органична... Читавши и кажется, родился новый талантливый художник. Но вот выходит на экраны фильм другой и третий с участием все той же «обаятельной и непосредственной», а зритель с горечью убеждается, что ничего нового не увидит и не узнает. Нет радости встречи с новым, другим человеком. Зачастую здесь и вина режиссеров, эксплуатирующих удачу набившего друга. Зачастую и доля антерсной вины — стремление снимать, сниматься, пусть играя знакомое, повторяясь, облегчая профессиональную задачу. Наташа Величко пришла в кинематограф со строгим сознанием своей артистической ответственности, очевидной уже в первой работе».

В «Тихине» Наташа была занята в выстраиваемой роли. Она принимала участие в самых драматических эпизодах фильма. Но не всегда даже опытный и даровитый актер достигает такого единства и сложности характера, умеет так соотносить этот характер с общими замыслом произведения, как сумела в первой роли Наташа Величко.

Узнаваемая, стремительная девочка с напряженными, пристальными глазами... Биография Аси едва только начинается, но в ней уже видны и смелая примета, и бескомпромиссность всех Божанцевых, и та непримиримая душевная чистота, что позволяют ей отлично разбираться в людях, оправдая их человеческую сущность.

Ерштан, то по-мальчишечьи резким, то по-девочьи вспыхивающая смущением, вса в неожиданных переходах и сменах настроений, Аси взрослела, менялась на глазах зрителей. Ей дано было в фильме пережить и трагедия дочери, теряющей отца. Незабываемо лицо Аси — разойдясь от боли, замкнутое горем в глазах Удильяно, гнет. Но Величко не играет здесь ни обиды, ни жалости, ни никаких малых чувств. В ней оспорены все ее представления о жизни, мир зашатался, вот-вот рухнет — это вальчащее напряжение мысли, с трудом постигающей всю художественность лица и несправедливости.

Наташе дано было рассказать и о первой любви Аси, и она рассказала о подростке, неуемно переживавшем ее существование, когда нет сил больше молчать, гасить искрищиеся любовью глаза, усмирить взволнованный голос. Аси и тянется и Иосте и страшится того, что неминуемо входе в ее жизнь. «Июльчесть» Аси, ее резность сменялись собранностью, строгостью, внутренней тишиной.

Играл Асю, Величко часто наруша-

ла неписанные кинематографические замыслы она не боялась быть и неграмотной, и неумелой, и смешной. Выдавая вперед острые, худые плечи, сутулилась под тяжестью внезапного гора, могла нелепо взмахнуть рукой, зашаркать ногами, обуться в старые, не по погоде валенки. И все это придавало ей особую привлекательность, ту неповторимую индивидуальность, которая дороже благополучной мимиксы.

Первый успех принес актрисе и плечи-искусительницы. Наташе предлагали бесконечные сценарии и роли, где героиня либо с откровенной примоткой собирала Ася, либо слегка зарань расовая все тот же характер.

Выбор Великому был неограничен и вместе с тем понятным. Она начала работать в фильме семи товарищей — дипломатов ВГИК Бориса Григорьева и Юрия Шаврина «Первый снег». Великому играла студентка Литературного института Наташу, свою ровесницу, но не современницу: картина была посвящена предвоенным и первым военным годам.

Наташа — малая, чистая девушка, искренняя, строгая к себе и другим, любящая и любимаая. В общем, все эти положительные и несколько абстрактные качества и составляют то самое понятие «хорошей героини», с которым на практике актеру не так легко справиться. Наташу Великому улепепил. Возможность уйти от Аси, забыть эту трудную, с инородным девичью, мажорой которой она промолла почти год. Хотелось бы другой — неугарной, ищейкой, трогательно влюбленной... Хотелось бы нежности, небесного свет любви. Скорее Наташа из «Первого снега» была для артиста подступом к будущей роли, в которой Великому хотелось сочетать наизыто обличья, хрупкую грацию, нежность с внутренней силой и мужеством.

Так сыграла она в фильме Людмиле Черемушину. В «Друзьях и годы», пьесе Леонида Зорина, по нотологии поставленной одноклассником фильмом Людмила была прежде всего мертвой. Равновесие, образность доминировали в этом образе.

Играл Людмиле, Великому ни на минуту забывала о ее незаметности. «Тринадцатый день» — аресте и гибели отца (сестры), отчасти постановочное вычеркнула из памяти, что однажды уже пережила близкий Людмила хантер. Были в Людмиле и боль, и незащищенность, и терпеливое, постоянное присутствие прошлого. Но в ее внешней горестной пассивности ощущалась гордость, внутренняя сила и воля. Ничто не могло заставить Людмилу согнуться, изменить своему чувству и убеждению. Свой протест, неприятие лжи, прилепленности, лицемерия Людмила нигде не проявляет открыто. Она молчит, глядя на Юрия Дерямина, готового отказаться не только от ее любви, но даже от знакомства с ней, досадно мелочливо, исключенного из партии. Она почти все время молчит, истерически с Дерямина много лет спустя в театре. Смотрит на него, опустошенного, маленького, нищего оправдания и у друзей и у врагов, смотрит так, что нельзя не почувствовать силу ее отпора, ее внутреннее отстранение от деревенских. В отличие от Аси Людмила пречет свою драму, скрывает ее от людских глаз, и Великому сипуло передать всю благородную серьезность и силу ее переживания.

Роля Людмилы не дала актрисе того простора, какой открылся перед ней в первой работе, в «Тринадцатый день». Как говорит сама Наташа, тогда «бухало качество». Аси Винокуевой. Иными словами в «Тринадцатый день» работала на актрису. В «Друзьях и годы» Великому сама обогнала хантер своей героини, досадила его и преломила через себя, став соавтором драматурга и режиссера.

Свою способность стать соавтором в роли Наташа Великому проявила еще раз, сыграв в картине «Третья молодость» Владимиром Суровицкину, блистательную балерину, неву Мариуса Петлю.

«Друзья и годы» и «Третья молодость» снимались почти одновременно в нескольких киностудиях — «Ленфильм». Сегодня день проходил в полутьмной избе голодной, послеполовой деревни, куда передали мать Людмилы и ее муж Владимир Платов. Завтра в роскошной гостинице директора императорских театров Геденюва, устроенного прием по сла-

ваю успешного дебюта Машенин Суровицкину.

Можно было сыграть Машу Суровицкину, зная злым гением Петлю, самоуверенной, пустой, мажущей успехом — и только. Но, и счастьем, Наташа Великому не унесет просто демонстрировать и иллюстрировать сумму отрицательных или положительных качеств. Та Маша, какой сыграла ее Великому, человек сложный, внутренне противоречивый, мучивший в непрестанной борьбе с самим собой. Она искренна в любви и мучу, в преломлении перед его талантом, в беспорядочном уважении и ненависти. И столь же откровенно честолюбива, неудержима на пути к славе. Она страдает, предчувствуя неизбежность разрыва с Петлю, но не в силах отказать от карьеры европейского масштаба. Она не хочет разлуки, но выбирает разлуку: иначе она не мыслит свою будущую.

Иной в этой роли и весь привычный облик Великому. Плачущая, лиризм ее ранних работ сменился остротой, энергичным рисунком, вместо немых, настальных тоном — бурные, насыщенные краски, контрасты.

В актерском почерке Наташи Великому появилась уверенность — она точно знает, что должна сказать людям той или иной роли, в них расширяет она самую глубокую и сокровенную, что есть в ее душе.

Сейчас Наташа вернулась к одной из своих первых работ. Занимаясь пьесы Веры Пановой «Как позналешь, параны».

И тогда, в институте, репертуар по руководством своего педагога Анатолия Григорьевича Шенцова. Наташа отказывалась играть Занюну только хищницей, убогой мажорой. «Может быть, она просто запугалась!» — пыталась доказать себе и другим Наташа. — «Может быть, она дряхлая? Взаимношанная, и хитрая, и простодушная, ну, и получился так...» Теперь, снимаясь в картине, которую ставит по пьесе Пановой режиссер Резо Эсадула, Наташа настаивает: «Нет, все не так просто. Вот вспомните...» И она рассказывает, убеждает, говорит словами новой своей роли, и действительно кажется: все не так просто. Но не стоит предаваться событиям, пока идут съемки, а актриса Наташа Великому предостит заново найти себя. И она постарается добиться этого. Потому что быть поверхностно-удачливой ей не дано.

Излюбил из кинофильма «Третья молодость».

На съемках фильма «Друзья и годы». Н. Великому в роли Людмилы Черемушину и А. Грое в роли Владимира Платова.

Мистер Микер, «мой» миллионер

— Хотите встретиться с ультрапарва-
вым Сделами. У нас спонсорировано
торов много.

Там сказал мистер Микер, небрежно, одной рукой покручивая
руль. За голубоватым противосолнеч-
ным стеклом «надавала» стремительно
летело асфальтовое покрытие шоссе.
Бамбали наастрочу локатые, бор-
датые, поконе на сизачных разбей-
ниное палыны.

Мистер Микер — «мой» миллионер.
Мой холдин и чичероне в текасском
городе Форт-Уорт.

Планируя поездку, я просил ва-
шингтонских опекунов из Института
правительственных дел познать
меня с богатым текасским нефтепро-
мышленником. И вот он — мой
миллионер — живой миллионер. Стройный
черноволосый человек лет тридцати
пяти. Он встретил меня в зале ожидания
фортуртинского аэропорта.

— Ларри Микер, названный неф-
тедобытчик, уайлд кэт оперейтор, нам
говорим мы, — представился он.

Несмотря на возрастание, подхватила
мой чемодан. Текасское гостеприим-
ство не позволяет углубить гостя!
Стальная дверь сама распахну-
лась перед нами, уадава густая горя-
чая волна распаненного воздуха. Но
мистер Микер быстро открыл
дверку длинного блестящего лимузи-
на. Внутри прокладно: машина с кон-
диционированным воздухом.

Бросилось в глаза: на бетонирован-
ной площадке перед ставленными заре-
нем аэропорта распластал крылья
бомбардировщица — огромный, сереб-
ристый, шестимоторный. Своеобраз-
ный монумент процветающей здесь
военной промышленности.

Бородатые пальмы распластаются
в стремительном полете, а Ларри
Микер знает себе знает на педаль экс-
пелератора. Стрелка спидометра ползет
и 100. Сто миль в час!

— Мы в Тексасе любим быстро
езду, — говорит Микер.

Я это уже знаю. Знаю о текасской
личности, о том, что текасски — это,
как говорит американец, «местные ре-
бятки». По Америке ходят знамениты об
их мужественности, гордости и гипер-
трофированном местном патриотизме.

В Тексасе все требует превосходной
степени самой большой, самый силь-
ный, самый богатый.

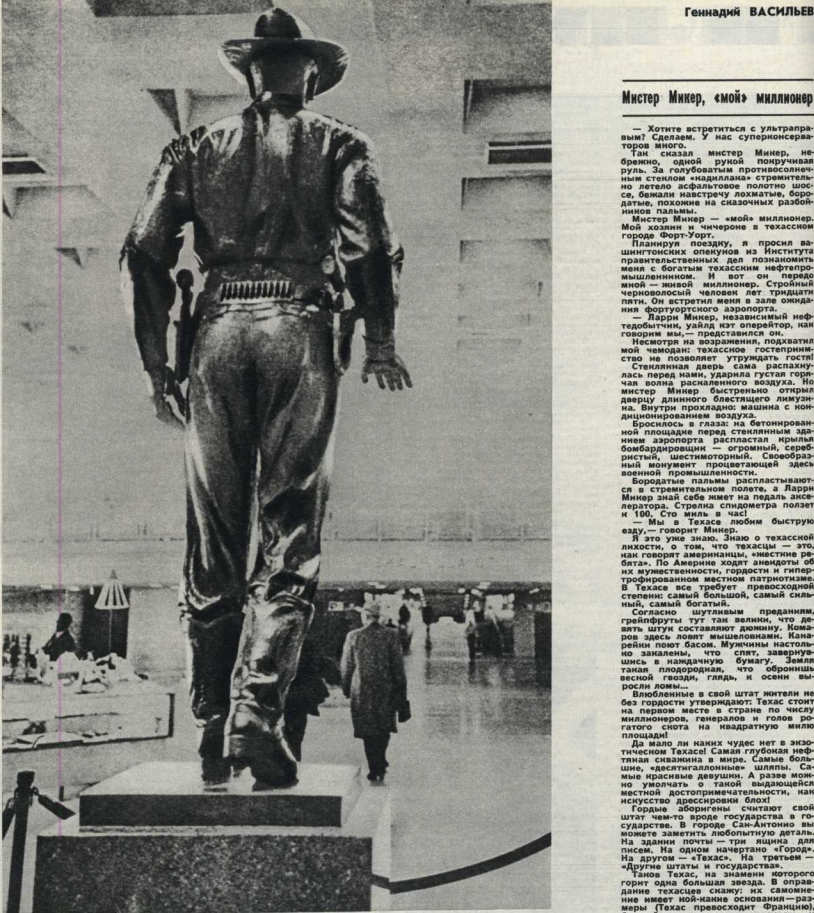
Согласно шутливым преданиям,
грейпфруты тут так велики, что де-
вать штук составляют дюжину. Коша-
ров здесь ловят вышаловами. Кана-
рейный поют басом. Мужички настоя-
но закалены, что свет, заверну-
вшись в наждачную бумагу. Зявля
такая плодородная, что обрину-
в весной газон, галды, и осени вы-
росли дома...

Влюбленные в свой штат мичери не
без гордости утверждают: Тексас стоит
на первом месте в стране по числу
миллионеров, генералов и голов ро-
гатого скота на квадратную милю
площади!

Да мало ли наших чудес нет в экзотическом Тексасе! Самая глубокая неф-
танная скважина в мире. Самые боль-
шие «девятисаллонные» шпильки. Са-
мые красивые девушки. А разве можно
умолчать о такой выдающейся
местной достопримечательности, как
искусство дрессировки быка!

Гордые аборигены считают свой
штат часто ярче государства в го-
сударстве. В городе Сан-Антонио вы
можете заставить любую деталь.
На задние почти — три ящика для
пакетов. На одном намертво «горды». На
другом — «Тексас». На третьем —
«Другие штаты и государства».

Таков Тексас, на знамени которого
горит одна большая звезда. В оправ-
данье текасского слану: их славосло-
вие имеет кой-какие основания — раз-
меры (Тексас превосходит Францию),
богатейшие природные ресурсы
прежде всего нефть (четыре миро-
вой добычи). Вот эти материальные

Аэропорт. Первое напоминание: ем в Тексасе!

ШТАТ ОДИН

— У нас все довольно отелам, — горделиво говорит царственный привратник. — Сервис. А потом рывками. Отбой нет от посетителей. После того дня. Двадцать второго ноября. После Далласа.

— После убийства Кеннеди? — Да, после смерти президента. Последнюю ночь то он у нас провалил, в нашем отеле. Утром уезжал в Даллас. Хорошо поинто. Молодой танор, веселый, в темно-синем костюме. Сел в открытый «монтигана», улыбался, махал рукой. С ним была миссис Кеннеди, очень красивая леди.

По этой дороге и уехали...

Раз, два... правой!

Мелкой дрожью вибрирует подполковник ирелса. За овальным ономинилминитором гонубое небо без пятидесяти или морщинок и розовая земля, по которой сизидат фиолетовая тень Большой птицы. Продай, Тексас! Я рад, что мы встретились. Наше знакомство было чересчур приятным и не очень дружественным. Но, несомненно, полезным, открывшим некоего существующие грани американизма и даже, если хотите, американского стиля в политике.

До Абора думаторомую «конвойра» четыре часа лету, да еще пересажива в Бакас-сити. Просматриваю свежее газеты.

Местная «Форт-Уорт пресс». На первой полосе — главный материал дня. Два фото. На одном — красивый темноглазый мужчина в фуражке с козырьком. На другом молодая женщина с двумя серьезными осликами мальчиками. Заголовок сразу вводит в курс дела: «Техасец погиб во Вьетнаме». Сообщение ЮПН: «Капитан ВВС Йондон Терри не вернулся с задания. Он пробыл во Вьетнаме всего лишь пять недель. Йондон Терри родился

там, что он американец. Многолетний адвокат Розалин Терри (28 лет) гордится своим мужем и тем делом, за которое он боролся и отдал жизнь». Вспоминисх крайний коандтер. Он уверен, что и сегодня «большая дубинка» Теодора Рузвельта — лучший инструмент для внешней политики Вашингтона. Капитан Терри пытался осуществлять эти установки на практике. И вот он, знаменитый результат: маршащая рука козменщи наститла Листую газету. С брошенных страниц нет-нет да и проглядит мистер Маскардин.

Салула (Оклахома). В местной школе были сожжены некоторые книги, в которых, по мнению женской гражданской группы, содержится подыравные идеи.

Нью-Йорк. Как стало известно, члены всемирноизвестной организации «Минитамне» собрались окончательно расквитаться с ООН, введя в вентиляционную систему штаб-квартиры этой международной организации цинкитный калий.

Что это, бред сумасшедшего? Кошмарный сон? Нет, газеты сообщают о вполне обыденных пробоях, планах, делах, котормини занты сегодня американские ультра — брнчесты, минитамне, члены «христианского ирестового общества», нацисты, нуллисолаонцы. Сколько их сегодня в Америке, этих «суперсерваторов»? Миллиарды, миллиарды!

Мистер Маскардин... Нежелания читать. Типичный рядовой несовершенного юности крайне правых, воинста, в котром есть и свои полновинные и генералы, Генералы в переносном и прямом смысле этого слова. В том же Тексасе в комбатальном отряде... бнбает... неанде... Эдвин Уонер, антимоиницист настолько решительный, что, усомнившись в его умственных способностях, Мангазара решил, что не поздно, освободить Эдвина от командования американ-

ской дивизией в Западной Германии. Или другой тексасец — житель печально известного Далласа — Гарольд Лабалетт Хант, миллиардер из миллиардеров, человек, которого называют одним из самых богатых в мире. На деньги этого нефтеромышленника кормится огромная свора ультраправых, издаются горы антимоиницистической литературы.

Фигура Ханта, семидесятипятилетнего, отпавшегося любезным манерами, весьма характерна. Она символизирует собой слезовещную ультра и части бизнуса. За спиной обуреваемых лавочников и шаманствующих антимоиницистических проповедников стоит сегодня некоторый аполон respectableйшие норпорнции и могущественные предприниматели.

Глубоко неправильно заключать, что фашизм уже утвердился в Соединенных Штатах или что страна стоит на пороге фашизма. Капиталистический диктатура США весьма умело поддерживает равновесие, монгируду трибунами урроуэную демократию. Стронинни террора — это, так сказать, запасная карта в руках расчетливого игрока. Но опасность антииницистической реакции не сводится и переносивается на будущее. Уже сегодня фашистские «правые» налагают заметный отпечаток на образ мышления рядового американца, на политику этой страны. Дело усугубляется тем, что ядры «черной сотни» Америки не ограничиваются случайно известными ультра. Одномини фигуры и объединения здесь смыкаются с расчетливыми консерваторами, с «чисто патриотическими» организациями.

По аено мини запуганных зрителям тротуров течет красочное шествие свисае мадьа нут орнестра, в открытых машинах проезжают паритые «индишцы», играя стройными ножиами, маршируют девушки с

диримерсини палочками в руках. Како-то праздник. Парад. Один из бесчисленных парадов, смысл которых не всегда ясен и американцам. Да стоит ли задумываться над этим, если все так замечательно: синие солнца, красивые девушки, бразовые мелодии... Вот шагает колонна подростков в военной форме, все как положено — стальные каски, форма цвета хаки, высокие ботинки, только ружья на плече неаппостиче, деревянные.

— Раз, два, левой! Бутцы отбывают чепаный ритм. Угловый поборбордон обтимуз рещишо каски. Согнутая в локте рука ощущает весомость «винтовки».

— Раз, два, левой! «Маджон свнер гардан». Огромный, со стальными монструющими потолока, положеи на ангар. Двадцать тысяч человек встает наи один, услышав первые аккорды гимна. Гаснет свет. И слово в слово темно-синие небо, ступая в луче прожектора, медленно поднимается звездно-полосатый флаг. Усиленный репродукторами, льется баритон:

Америка прекрасна
Моя страна, одна...

Красивая мелодия, широкая, как зеленые холмы Аюви, торжественная, как выстоявшая тысячелетиями розовая скалы Великого каньона.

Тя смотри на своего соседа. Парень лет двадцати, один из участников «патриотического» митинга, саванного голуботроуэрами из организации «Молодые американцы за свободу». Его глаза блещут от слез улыбки. Да, непростое это дело — любовь и верность! Силою надо зоркости ума, душевной чуткости, да и просто знания, чтобы понять истинные интересы Родины, чтобы не последовать той же на первый взгляд убедительной формуле: «Правда моя страна или нет, но это моя страна».

Техасский нефтепромышленник
Сэм Росс самодовольно улыбает-
ся. Барыши растут...

А вот этим не до радости.
Война во Вьетнаме принесла им
осуждение всего мира, ненависть
вьетнамцев, кровь и грязь... Сей-
час у них только одно желание:
лишь бы унести ноги...

Нью-Йорк. Вербовочный пункт
американской армии на Бродвее.
«Вступайте сегодня же в десант-
ные войска армии США» — при-
зывает плакат у входа. Но моло-
дые американцы не спешат ок-
ликинуться на столь «заманчи-
вое» предложение. «Молодежь
против войны и фашизма!», «Вы-
вести американские войска из
Вьетнама!», «Прекратите воен-
ный курс!» — требуют юноши
и девушки, собравшиеся у вер-
бовочного пункта.

нацита, а сейчас самвидать. И а не боюсь сказать, что он хорошия парня.

Но как же попал в колонию этот Коля—секретарь комсомольской организации уезда в техникуме? А вот как. В спортшколе он был принят сразу. Здоровый и сильный, Коля приглянулся тренерам. Регулярно ходил на занятия. Педагоги техникума (это мне уже в Балахне потом рассказали) советовали, бывало, родителям трудновоспитываемых: «Хорошо, если бы ваш сын подружился с Колей. Коля может оказать на вашего сына благотворное влияние».

Ну, а Коля! После тренировок он шел домой на свою улицу, встречал там соседских ребят, которые спонялись по вечерам, слушая от безделья, и не знали, куда бы им податься. Зато акуса водки они уже знали и знали, что после водки не только Волга, но и море по колено. Коля жив—большо у них в газу. Как-никак чемпион, гордый ходит.

— Эй, чемпион! Пойдем с нами, если не грустишь. Это тебе не на стадионе бегать и грамоты получать.

И чемпион струсил. Испугался, что его называют трусом.

Не думайте, пожалуйста, что пятнадцатилетнему парню так легко расстаться со своими друзьями! Но я знаю, как один наш известный спортсмен расстался со шляпой, которая тоже попражала его трусостью. Он сказал: «Ну, это самый красивый выход!» Он не пошел с ними, и в тот вечер, куда дераться ему пришлось до крови. Я рассказал Коле об этом случае.

— Телер-то и я не пойду,— ответил Коля.

И снова—почему? Почему мальчишка с улицы сумел оказать на показательного Колю большое влияние, чем педагог техникума и тренеры спортшколы? Уверая вас, Антона Се-

меновича Макаренко эти мальчишки с улицы не читали. Как же такое могло случиться? На этот вопрос, правда, пытался ответить сам Николай.

— Конечно, спорт, как бы вам это сказать, может спасти кого угодно от тюрьмы. Только если серьезно спортом заниматься. Дело тут не в результатах. Они у меня были. Но тренеры что надо! Результаты и чтобы занятия не пропускал, вот и все. Но не только в результатах дело, а вот в чем еще, не знаю.

А вот другой колонист, кажется, додумался. Вузет этого парня Анатолий. Он уже второй раз попадает в колонию. Как ни странно, тоже спортом занимался—прыжками на лыжах с трамплина. В этом виде, как известно, смелость нужна немалая. Правда, занимался Анатолий прыжками всего месяца два-три, а потом бросил.

— Ну, это, еще шло сломавшееся. И хотя ни один парень из их секции шло не сломал, он все-таки ушел из секции. Струсил, стало быть. А гробить не струсил, стал и знал, что в этом деле еще сломала? куда проще. Загада! А вот вам и отгадка, вот что он мне сказал по этому поводу:

— В ворковском деле сила нужна. И спортивным сила тоже нужна. Мы фитилей с собой на дело не берем. Что они могут! Фитиль и в спорте никуда не может. Смысл там тоже нужен. И спортсмену тоже.

Он хитро прищуривши и спрашивает:

— Выходит, мы одинаковые, граждани журналст!

— А вы не забудьте по себе от этого вопроса. Но Анатолий, не дожидаясь моего ответа, продолжал развивать свою путаную мысль:

— А в чем же тогда разница? Я вам скажу в чем, не беспокойтесь, я

знаю—а воле различия, вот в чем! У меня есть приятель-спортсмены, даже мастер спорта один знакомый, тоже, между прочим, прыгун. Так вот, у спортсмена, если он, конечно, настоящий, воля всегда у него. Водки выпили и пошол. Это потому, что нет воли.

Вот и еще одна проблема—воспитание воли. Я рисуюсь пойти на своеобразный эксперимент. Узнал, из какого города в колонию наибольшее, так скалы, представительство. Как ни странно, оказалось, что из той самой Балахны, с которой я и начинал. Конечно, не надо думать, что Балахна такой уж ужасный город, в котором живут одни только преступники. Но так или иначе, из Балахны ребят больше, чем из других городов, и я вернулся в Балахну. Вернулся и нашол ответы на многие вопросы, которые поставлены в этих заметках.

Что такое Балахна? Это город буржуйки и энергетиков. Здесь крупнейшей бумажный комбинат и одна из самых больших в стране теплостанций. За последние сорок лет население города возросло чуть ли не в пятидесятк раз. Одним только ушедшим в городе сейчас пятнадцатк с лишним тысяч. Но за сорок лет в Балахне не появилось ни одного мало-мальски приличного спортивного сооружения. Больше того, то, что было построено еще в 30-х годах, сейчас разрушено. Памятник стало одного из трех так называемых «стадионов», а проще говоря—примитивных спортивных комплексов (футбольное поле, дорожка, одна-две площадки). Город стоит на Волге, но водной станции в Балахне нет. В школах Балахны нет спортзалов, даже в новых школах их нет. На весь город спортзалов всего-навсего три.

Все—и председатель горисполкома, и секретарь горкома ВЛКСМ, и председатель горспортсовета—жалеваля на горкую спортивную судьбу своего города. Судя по их словам, они давно и часто только и делают о спорте и о спортивном строительстве. Но ничего у них с этим строительством не получается. Почему же в Свердловоке, в Салвате, в Икхове (да разве перечислять все наши спортивные города, по населению ничуть не превышающие Балахну) есть и стадионы, и залы, и даже бассейны? Советская власть, как известно, всегда одна—и в Салвате и в Балахне. Может, только председатели ее на местах—люди разные? То, что председатель горисполкома в Салвате или директор комбината в Свердловоке люди спортивные, люди, знающие цену спорту—это, конечно, очень хорошо. Но развитие спорта не должно зависеть от любви к нему руководителей. Потому что спорт—дале не частное, не меценатское, а государственное, партийное. Об этом достаточно определено сказано в недавнем постановлении ЦК КПСС и Советского Министров СССР о дальнейшем развитии физкультуры и спорта в нашей стране.

Итак, вроде бы не случайно начал и конечно я эти заметки с Балахны. Не ставя точку еще рано. Мне бы не хотелось быть неправильно понятым. Вот, мол, будет спорт, будет же ребята заниматься, и тогда можно говорить эту колонию и подорожные их учреждения. Не спорю единым же мальчишка. Есть и книги, и изостудии, и радиокружки, и самодеятельные тварты, и много другого, очень интересного, о чем, конечно, и нужно...

А спорт лишь одно звено в этой цепи. Может быть, только спорт больше популярен среди мальчишек. И тануют они к спорту изю всех сил.

Выполняя комплекс, следите за соблюдением правил дыхания. Вдох обычно совпадает с расширением грудной клетки и выполняется при выдохе. В быстром темпе — 12—15 раз.

прогнута, гантели держать в опущенных руках.

Медленно вернуть руки в стороны и вверх до оттяга. Повторить 12—15 раз в две серии.

6. ДЛЯ МЫШЦ — РАЗГИБАТЕЛЕЙ БЕДРА.

И. п. — стоя, ноги вместе, руки с гантелями заложены за спину.

Пристать на носки, голову и туловище держать прямо, колени не разводять. Темп медленный. Повторить 15—20 раз в две серии.

7. ДЛЯ МЫШЦ — СГИБАТЕЛЕЙ ГОЛЕНИ.

И. п. — пригнать и стопе правой ноги гантель, встать на небольшое возвышение.

Сгибать и выпрямлять ногу в колени 15—20 раз. Повторите это же упражнение для левой ноги. Если отягощение выбрано неправильно, может появиться слеза, тщательно промассажуйте мышцы бедра, в следующую тренировку попросите разогреться и сбавьте нагрузку.

8. ДЛЯ ИКРОНОЖНЫХ МЫШЦ.

И. п. — гантель прикрепить к стопе правой ноги, носок на краю бруска высотой 5 сантиметров, другая нога согнута.

Равномерное поднимание и опускание пятки до «отказа», ноги в молении выпрямлять. Повторить это же упражнение для левой ноги.

9. ДЛЯ МЫШЦ БРЮШИНОГО ПРЕССА.

И. п. — лежа на спине, руки вдоль талии.

Перейти в положение сидя, непрерывно поднимая голову и делая под ноги опору. В среднем темпе «до отказа».

10. ДЛЯ КОСЫХ МЫШЦ ТУЛОВИЩА.

И. п. — стоя, ноги врозь, руки с гантелями за головой.

Наклониться вперед и влево — 15 раз, в медленном темпе, в максимальной амплитуде.

11. ДЛЯ МЫШЦ СПИНЫ, НОГ И ПЛЕЧЕВОГО ПОЯСА («ДРОСКИ»).

И. п. — стоя, ноги врозь, руки поднять вверх.

Быстро наклониться вперед, опуская руки вниз между ногими (вдох). Принять исходное положение (вдох). Повторить в быстром темпе 12—15 раз.

12. ОБЩЕРАЗВИВАЮЩЕЕ.

И. п. — стоя, ноги врозь, руки с гантелями опущены вниз, ладони внутрь. Правой — ноги врозь, руки в стороны. Принять исходное положение. В быстром темпе — 12—15 раз.

У ГЛУБИННОГО БАРЬЕРА

в излапанных времен в теплых прибрежных странах существует профессия ныряльщика. Чтобы добыть астры моря — губки, жемчужины и другие морские раковины, им приходится выдержать настоящую схватку с губкой. Нырять можно только раскиснув лишь на свое мужество, здоровье, умение задерживать дыхание. Нередко они опускаются на глубину 30—40 метров и находятся там в течение нескольких минут. Ловцов жемчуга с поясом плазом можно назвать первыми спортсменами-подводниками.

Одним официальным летонским рекордом по нырянию на глубину без дыхательного аппарата открылся достижение итальянского танкера. Зинно Фалько и Альберто Новелли. В 1951 году они достигли глубины 33 метра. Через два года рекордсменом стал их соотечественник Раймондо Буэри.

Многие вероятно, запомнили кадры из итальянского кинофильма «Голубой континент». На поверхности воды рядом с большой поплавком голова человека. Спортсмен (им был Р. Буэри) нагнетает массу на лицо, делает последние усиленные вдохи и решительно уходит под воду. Вот он стремительно проносится вдоль опущенного бирдан каната и срывается в сумерки глубины. Через 1 минуту 25 секунд ныряльщик появляется на поверхности и сразу же оказывается в новых дружных руках. Помощь другой была весьма своевременной: Буэри на некоторое время потерял сознание. Но он не выгустил из рук бирду, на которой висел канат длиной 32 м.

В 1956 году Фалько и Новелли вернули себе рекорд. Они побывали на глубине 41 метр. В 1960 году бирду за обладание рекордом поплыл француз Авергю Сантарелли и итальянец Жако Майола. В 1961 году Майола, то время было 39 лет, применил своеобразное новшество. При нырянии он надевал на себя маску, сохраняющую в своих порах воздух. Вина спортсмена удержать тяжелой груз, а на поверхности — выдержать нагрузку в 15—20 метров нагнанный воздух. И ныряльщик возвращается на поверхность, и вода выталкивает его на поверхность.

С помощью такой хитрости Сантарелли легко спустился на 44 метра. Но Майола в последние обычного плавца сумел нырнуть на 45. Затем Сантарелли достиг 46 метров, а Майола 49. Соревники продолжили спор и в следующем году. Майола первым освоил новый рубин — побывал на 50-метровой глубине. А Сантарелли удалось нырнуть на метр дальше.

Этот рекорд продержался три года. В августе 1964 года снова отличился Майола. В Неаполитанском заливе он нырнул на 53 метра. Спустя год он «зубил» свой результат еще на метр.

История ментал повторит и следующий рубин — 60 метров. Такая глубина, по мнению французского биолога Жана Ривьера, вполне достижима для человека с отличным здоровьем и хорошей выносливостью.

В планы Майола в июне 1966 года вмешался 39-летний француз Жан Марло, первый достигший 60-метровой глубины. Несколько месяцев назад Майола вернул себе аврел лучшего ныряльщика. Ему удалось «зубить» результат Майола на 2 метра. Заметим, кстати, что первый вполне им достигнутый результат Майола на 60 метров показал греческий ловец губок Георгос. На этой глубине в 1913 году он привалал канат и люрю итальянского эсминца «Регина Маргарита».

Имени обыва легким казалось бы, не поворачивать соперничать с мужчинами в нырянии в глубину. Двадцать метров это достижение американского спортсмена Иозо Маннини в течение многих лет казалось несбыточным. Но в 1962 году итальянка Франческа Кавальери на 23 метра побывала на глубине, которую раньше на 35 метров отразился на ее самочувствии, и она заявила журналистам, что в дальнейшем женщины врят ли смогут терпеть эту рубину. Однако Борсуе усомнилась, опровергая Джулиана Треллани (31 метр). Но даже ее нельзя признать первооткрывательницей этой глубины. Вспомним о японских исследователях, исследующих подводного человека наездом они вытеснили с подводного промысла своих мужчин и теперь не уступают лучшим ныряльщикам-мужчинам из других стран.

Тяжелый груз у руках Жако Майола помогает ему быстрее достигнуть 60-метровой глубины.

Губины в 30—40 метров являются для «малообъемных» ныряльщиков. Изобретение анавалага открыло перед подводниками-спортсменами широкая возможности. Не нужно больше доричить единственного глотком воздуха, который сохранит жизнь организм и защищает легкие и грудную клетку от чрезмерного сжатия.

Еще в 1943 году, вскоре после изобретения анавалага, замечательный французский спортсмен Фредерик Дома погрузился на 63 метра. Спусти два года он уже побывал на глубине 91 метр. Отметим, что Дома не ставил целью установление рекорда. Заслуживший внимания смелая тантика спортсмена — идти вниз с максимальной возможной скоростью, быстро преодолевать первую половину подъема и затем во избежание нессонной болезни чередовать движение с остановками.

Французы под руководством изобретателя анавалага Кусто проводились создание нового аппарата. Тогда и произошел трагический случай с Морисом Фаргом. Он сделал ответку на глубину 120 метров... и стал погружаться дальше. Но губины... уже успела опьянить его. Спортсмен потерял сознание, и когда друзья подняли его на поверхность, он был мертв.

Гегемония французов в глубинах погрузки с анавалагом нарушил испанский анавалагист Заурядо Аверита. Но его достижение (103 метра) продержалось всего один год. Не разлучные друзья Фалько и Новелли, которые в то время были рекордсменами по нырянию в глубину без дыхательного аппарата, решили пойти навстречу и рекордом погрузились с анавалагом. В Неаполитанском заливе они совместно с Чезаре Ольдыни достигли глубины 131 метр. В 1957 году Аверита погрузился на 135 метров. Спортсмены были вооружены анавалагами новой конструкции, разработанной Новелли. Создатели аппарата зли аппараты, бравшиеся вдоль каната до намеченной глубины, он останавливался и стал опускаться товарищью. «Обрывать» удавалось итальянцам, им Фалько. То ли от волнения, то ли от губинного опьянения, Новелли держался за руку бирду, а Фалько, забыв сделать на ней собственную ответку, А Ольдыни сделал ответку на бирде метром ниже.

Неизвестно, каких результатов в дальнейшем добился бы анавалагист, если бы на подводной арене не появился швейцарец Жанне Келлер. Читатели «Семью» уже знакомы с некоторыми его достижениями (см. № 6, 1963 год). Кроме погружения на глубину 328 метров, которое закончилось трагической смертью одного из участников, англичанина Питера Сколла, Келлер успешно имитировал в Барокмере спуски на 400-метровую глубину.

Келлер поставил проблему глубоководных погружений на научную основу. Им были разработаны все доступные сведения о физиологии человека и процессы диффузии, растворения и высвобождения различных газов из тканей тела.

Специалисты водолажного дела поражают спорительные подвиги Келлера на поверхности после пребывания на 600-метровой глубине. В этом, собственно, нет никакого секрета, и объяснение не так уж сложно. Келлер зависит не только от глубины погружения, но и от длительности его присутствия в дыхательной смеси. Легкие газа (водород, гелий, неон) проникают в ткани и покидают их гораздо быстрее, чем гелиевый газ. Этот эффект, называемый феноменом поведения газов, дает возможность при неподвижных погружениях варьировать содержание в организме человека и уменьшать опасность нессонной заболевания. Во время подъема нужно последовательно выводить гелий в дыхательной смеси немоном, азотом, аргоном и кислородом, и постепенно вступать в дыхательную смесь.

Уверенность Келлера в достижении водолажного искусства на 23 метра привлекла внимание ученой Жан Пинар. Вещ подводный мир с интересением ждет того момента, когда Пинар достигнет 60-метровой глубины. Пинар планирует вытиснуть человека из мезосфера на глубине 1 000 метров!

Виктор НИКОЛАЕВ

Через 1 минуту 3 секунды после старта Майола догналса до бирки с числом «60». Возвращение на поверхность далось 58 секунд

В таком положении Майола может выдержать 10 минут в воде бассейна в маске, задержав дыхание 41 минуту.

Фазиль ИСКАНДЕР

аглицы чаще с женой ребенком

РАССКАЗ

Рисунк Г. НОВОЖИЛОВА

Внезапно я узнал, что к нам в город приехал англичанин. Мне сказали, что он сейчас на берегу моря возле гостиницы беседует с представителями местной интеллигенции, и если я поспешу, пожалуй, успею познакомиться с ним. До этого я никогда не был знаком с англичанами, даже не видел моего англичанина, поэтому охотно согласился. К тому же меня предупредили, что он профессор, крупнейший социолог левого толка и дружен с нами настроен. Я допил кофе и пошел посмотреть на англичанина.

Я вышел на улицу, прошел до берега, завернул в сторону гостиницы и увидел их. Был яркий летний день. Англичанин с женой и ребенком стояли посреди улицы в центре небольшой, но почтительной группы.

Я сразу узнал его, хотя до этого никогда не видел ни одного англичанина. Почему-то и жам они редко заезжают. Я его сразу узнал, хотя, в сущности, он даже не был похож на англичанина, скорее, на того англичанина, облик которого я представлял себе по нингам и кинофильмам. Но, с другой стороны, не узнать его было невозможно, просто потому, что кто-то из них должен был быть англичанином, а там кем, всех остальных я и знал (иногда ребята), а так и решил: вот этот и есть англичанин. Если б вокруг него стояли не наши ребята, а какие-нибудь незнакомые люди, я бы скорее подумал на кого-нибудь из них: до того он был непохож на англичанина.

Это был ирландец небольшого роста с круглой золотистой головой и мужественным профилем скандинавского викинга или в крайнем случае эллинистического воина. Такую голову почему-то хотелось представить в шлеме, мне даже показалось, что я ее уже где-то видел в тилеюм рыцарского шлема.

Сначала я немного огорчился, что англичанин оказался не настолько типичным, тем более, что и жена его, хотя и красивая женщина, никак не походила на англичанку. Скорее она была похожа на египтянку. Она была похожа на красивую египтянку, но сравнить ее с Ифертити было бы несправедливо, тем застойным преувеличеннее, и поэтому так склонны мои любительские замечания.

Потом выяснилось, что она и в самом деле египтянка. Из чего, конечно, не следует, что англичанин тоже оказался скандинавом или тем более греком. Англичанин оказался настоящим англичанином, хотя внешность его меня сначала несколько разочаровала.

Я думаю, что, кроме нингиного представления, тут еще сыграла роль то, что мне сказали о нем, профессор, крупнейший социолог левого толка. А тут тебе tanta ирландцы, в рубашке вывуспун,

в босоножках на голую ногу, с мощной шеей, как бы парализованной от долгого ношения тилеюм рыцарского шлема. Нет, наши профессора выглядят куда солиднее.

Когда я подошел к ним, искусственно что-то разсыпался. Англичанин внимательно слушал время от времени делая какие-то записи в своем блокноте.

Искусурова — наш местный парень. Зовут его Анзор. Я его знаю с детства. Когда я вспоминаю, каким он был вратарем сначала в юношеской, а потом во взрослой команде, мне почему-то делается грустно.

Казалось бы, он неплохой в жизни устроил, а стоит мне вспомнить, каким он был замечательным вратарем, как у меня портится настроение.

Однажды он взял такой невероятный мяч, что об этом у нас помнили несколько лет. Тогда он играл в юношеской команде. Вот как это было. Из свалили на штрафной площадке кто-то сильно пробил в правый нижний угол. Анзор в прыжке отбил мяч. И еще он лежал на земле, когда один из защитников противника с разгону врезал мяч в верхний угол.

Казалось, неминуемый гол. Но Анзор, словно поброшенный, отделился от земли. Я до сих пор отчетливо помню его скошенное и правому углу, как бы выскочив в воздухе тило. Помню то замечательное мгновение, когда он усилием воли, уже исчерпав инерцию прыжка, все же дотронулся до мяча. Так, бывало, в детстве дотрагиваешь до самого верхнего ребра, рискуя обломать трехпальцевую ветку и облучиться вместе с ногой выск.

Именно тогда знаменитый тренер местной команды «Динамо» промчал вдоль поля, встурю остановился и сказал своему помощнику:

«Через пять минут с его словах уже знал весь стадион и даже сам Анзор. И вот теперь, когда я вспоминаю все это, у меня почему-то портится настроение. Может быть, дело в том, что сейчас Анзор пожим на вратаря, который уже взял свой лучший мяч. Сам-то он наверняка об этом не догадывается, но со стороны видно...»

Обычно он водится с нашими туристами, но иногда ему поручают иностранцев. Однажды, когда он показывал обильный питомник одной иностранной делегации, кто-то из туристов спросил, имену на вальдер с одним из организаторов:

— Как зовут эту обезьяну?

Анзор мгновенно повернулся и орангутану и спросил:

— Обезьяна, как тебя зовут? — «Мне» делегация оценила юмор искусурова, хотя задавший вопрос почему-то обиделся. Эта бесталанная штука, если ее можно назвать бестан-

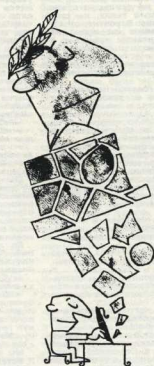
ЛИТЕРАТУРНОЕ ПИСЬМО

Юмористический рисунок

Иштван Фенниши — талантливый молодой литератор — написал одному из своих друзей записку:

«Штаники, черт тебя побери, почему ты не возвращаешь мне книгу, которую я тебе назад унес на три дня? Могу себе представить, как ты изрысала ее ослиными ушами, если, конечно, не дал кому-нибудь почитать. А тогда я могу поставить на ней крест. Ну и тип же ты, ну и лапу! Я уж не прощу вернуть мне двадцать коп, серьезно тебе говорю, мне просто стыдно! Красота твоих что подальше-ет! Эх, и ахнула она, связавшись с тобой! Ну, приятный Обнимашу. Пиш-та».

Он хотел было положить письмо в конверт, но вдруг остановился. Потомки! Писать должен быть очень осторожен с тем, что он оставляет после себя. Переписку каждого известного писателя когда-нибудь обязательно издадут. «Письма Иштвана Фенниши... Хо-хо! В таком виде он просто не имеет права отправить письмо».

Он сел к письменному столу и вместо правящего написал следующее:

«Дорогой друг! Наблюдая за тем, как вечерний ветерок игришь поглаживает кроны старых деревьев под моим окном, я задумался над тем, что выделяет человека из мира животных. Пример всего высочайший мозг, требующий непрерывного обогащения мира идей. Одно из величайших чудес человека-создателя — книга, это особое, призрачное уравновешение мысли, публикация их для всеобщего сведения, с помощью которой идеи становятся коллективным сокровищем всего общества. Я не могу выразить, Шандор, ту великую радость, которую доставила мне беснувшая в твоих глазах неутомимая жажда культуры, делающая человека Человеком, и обращенная ко мне просьба одолжить тебе одну из моих книг. Чистая человеческая радость настолько наполнила меня, что в тот момент я даже не подумал, почему для покупки именно этой книги у тебя до сих пор не нашлось материальных средств. Но все это мелочи, детали по сравнению с благородным делом распространения мысли и знаний. Для протирания книги ты попросил у меня три дня — половину того срока, что полагалось для сотворения мира, и я, растроганный, принял и сvedенно бурное проявление твоего светлого нетерпения. Книжку, о которой идет речь, я одолжил тебе именно потому, что она близка моему сердцу; человек всегда старается дать своим друзьям то, что ему дороже. Но именно потому, что она мне так дорога, я тоже хотел бы с пользой для себя поспать ее,

заглянуть в нее раз другой. Каким образом я могу снова вступить в законное владение моей собственностью? Если у тебя есть конструктивные предложения на этот счет, благодарности мой будет бесконечна. Быть может, мой острый писемник — основная причина тому, что я представляю страницы моей ценной книги загнутыми, а на полях ее — изобразил, подобно ушам одного домашнего животного, о котором писал еще Петефи. Но, возможно, ты наделаю того-то другого духомым современными моими книгами! Тогда, быть может, мне лучше благородно отказаться от своих прав на нее! Я не упрямлю тебя, ведь я знаю, что ты правдивый, словно пауч, твояция свою паутину, и знаю, что всякого рода материальные соображения даются от тебя. Я прошу бережливую напоминать тебе о денежной сумме, составляющей двадцать форинтов, которую, как и полагает настоящему другу, я отдал в твою распоряжение. Чувство стыда всегда во мне было развито сильнее чувства бережливости. Разрешите спросить, чем занимается Зоренька, твой подруга мизантро! Это — удивительное создание, и я от души желаю, чтобы существование меж вами взаимопонимание уверило Зореньку в правильности сделанного ею выбора. Будь здоров, мой друг, желаю дальнейших успехов в писательском битахе. Жму руку, Иштван Фенниши».

Он снес с письма илюзию и положил ее в папку с надписью «Послать мое письмо».

Перевела с венгерского Елена ГУМАРКИНА.

В следующем номере:

«Я быстро вошел в кабину снегохода и прислонился к стене, чтобы не упасть; мне показалось, что у меня останавливается сердце. На полу у стола лежал... я сам! В том же коричневом свитере и ватных штанах, а лицо мое так же прильнуло к ножке стола, и кровь так же зацепилась у меня на ябу, и рука так же цеплялась за съемочную камеру. Мою съемочную камеру».

«Возможно, это был сон, и я еще не проснулся и видел себя самого на полу, видел как бы вторым зрением! Ударил кулаком по ребру стола — больно, Ясно очнулся и не сплю. Значит, сошел с ума. Но из книг и статей мне было известно, что сумасшедшие никогда не предполагают, что они помешались. Тогда что же этой Галлюцинации! Мираж! Я тронул стену: она была вполне призрачной. Значит, не призраком была я сам, лежащий без чувств у себя же под ногами. Нелепица, нонсенс. Я вспомнил сказку о Снежном королеве. Может быть, все-таки есть Снежная королева, и чудеса есть, и двойники-фантомы, а наука — это просто самодельщина!»

Это небольшой эпизод из фантастического романа Александра и Сергея Абрамовых, публикация которого мы начинаем с 7-го номера. Роман называется

«ВСАДНИКИ ИНОТКУДА»

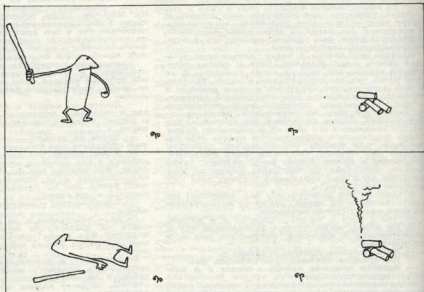

Рисунок А. ПЕСКОВА

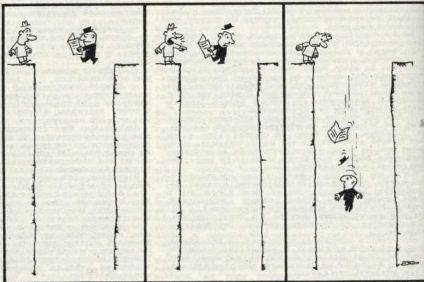
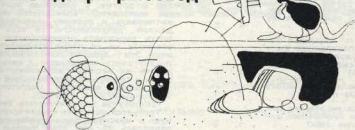

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

Ондатра-рыбовод

Во многих озерах на зиму крепким льдом озерки гнет рыба. Она задыхается, потому что ледяная корка не только преграждает доступ атмосферному воздуху, но и закрывает выход из воды вредных газов — метана и сероводорода. Местные жители в таких случаях говорят: «Озеро горит».

Сибирские охотники заметили, что в некоторых озерах рыба всегда остается невредимой. Длительные наблюдения раскрыли секрет этого таинства

природы. Заметили, что рыба сокращается в тех озерах, около которых поселился ондатра. Ондатра издает сообщение с озером, где зверены добывают моллюсков, водоросли, рыбную мелочь. Эти ходы сообщения и являются вентиляционными каналами. И чем больше таких ондатровых поселений вокруг озера, тем лучше.

Ондатровые отряды, сами того не ведая, оказывают основные рыбные запасы озер и водоемов.

Бульдозер — взрывник

Бульдозер — это современный всеполюс — самая гнущая машина на строительных площадках. Бульдозеры выполняют львиную долю земляных работ. Однако даже там, где силками бывает трудно сдвинуть твердый или мерзлый грунт. Американский инженер Джон Кларк сконструировал любознательное приспособление, которое позволяет бульдозеру рыхлить твердый грунт, взрывать его.

Это устройство состоит из камеры сгорания, установленной между швеллером и трактором. Сжатый воздух смешивается в камере сгорания с топливом и затем воспламеняется от свечи. Небольшой силы взрыв разрыхляет землю, и бульдозер стрелает ее. Такой бульдозер, двигаясь со скоростью три километра в час, перемещает втрое больше грунта, чем обычный, выполняющий аналогичные работы.

Минерал из космоса

Минерал «тронилит» до сих пор не был известен на Земле. Он найден в нам отдаленных на далеких мирах. Его недавно обнаружили в гигантском метеорите, найденном в прошлом году в австралийской пустыне. Этот метеорит при падении распо-

ложился на два больших куска. Меньший из них весит около восьми килограммов, будет раздроблен и разослан для изучения в лаборатории многих стран. Большой кусок, который весит около двенадцати тонн, находится в музее для всеобщего обозрения.

Чтобы зубы не ржавели

Зубная боль доставляет всем нам массу неприятностей. Нельзя ли раз и навсегда избавиться от этих хлопот, сделать зубы более прочными, оградить их как-то от разрушения?

Известно, что металлические поверхности предохраняют от коррозии различными покрытиями: красками или более износостойкими — хромом, никелем. Или, наконец, применяют пластмассы. Последний способ, вероятно, можно употребить и для предохранения зубов. Химики сейчас пробуют такие химические покрытия. Один из вариантов такого покрытия представляет собой смесь сплавов различного мономера цианоакрилата и порожнистого наполнителя из иренинстых материалов. Покрытие наносится на рабочую поверхность зубов, наиболее подверженную разрушению.

Рисунки И. КЛЕШКО

Еще раз напоминаем, что решения и ответы, анализы нужно писать четко и аккуратно. На конверте обязательно пометки: «Шахматная олимпиада «Смени»». Срок отправления ответов на второй тур: до 15 мая с. г. (по почтовому штемпелю).

Не забудьте о том, что классификационные турниры (по программе шестого рейда шахматной олимпиады «Смени») должны быть закончены к 30 апреля. С условиями проведения турниров вы можете ознакомиться в «Смени» № 2.

ВТОРОЙ ТУР

(ПЕРВЫЙ ТУР см. в № 2, 1967 г.)

ПОЛОМАЙТЕ ГОЛОВУ

Перед вами ладное окончание, в котором, несмотря на материальное равенство, шансов белым на ничью из-за очевидной слабости темла несутся совершенно нереальными. И все же попробуйте найти очень короткий, красивый путь и спасение (4 балла).

ВАШИ КОММЕНТАРИИ

Разрешите коротенькую, данено не безосновную, но весьма интересную партию. Прокомментируйте код борьбы: действия партнеров в дебюте (истини, как оно называется?), критические моменты, наиболее яркие эпизоды (4 балла).

1. d4 Kf6 2. c4 c6 3. Kc3 Cc7 4. e4 d6 5. f3 — 6. Cc3 e5 7. Kc2 e9 8. Фb3 ed 9. K: d4 d3 10. cd ed 11. ed Kf2 12. de Леb 13. Kf2 Л: e3 14. Лf1 Kd4 — 15. f4 C: d4 16. Л: d4 Ф: d4 17. Фe2 Ле2 моменты, наиболее яркие эпизоды (4 балла).
e2 +. Белые сдались.

ВОТ ТАК ЗАДАЧИ

В обеих наших задачах на мат в два хода мелочко найти вступительными маневрами. Остерегайтесь лонных следов (4 балла).

СПРАШИВАЕМ — ОТВЕЧАЕМ

Очередные вопросы на наш вишторный таповы (4 балла):
1. Каков суммарный тираж советских периодических шахматных изданий в 1967 году? Сколько любителей шахмат извлекло издание «Шахматы» на журнал, издававшийся М. И. Чигорини 86 лет назад?
2. Кому из известных писателей принадлежит эти

слова, посвященные шахматному чемпионату мира? Каков величие быть чемпионом, астающийся не по праву престолонаследия и не по случайностям левбистца, а в силу своего ума и всемирного добровольного и добротного согласия, при котором нет ни единого избирателя, протестующего или возмущающегося?

А ТЕПЕРЬ ЭТО Д

В заключение второго тура предлагаем решить оригинальный этюд, в котором достигнуть цели (победы белым) не так просто, как это кажется на первый взгляд (4 балла).

КАКОЕ У ВАС ВОООБРАЖЕНИЕ

Об этом вы узнаете, если ответите на наши вопросы:

	ДА	НЕТ		ДА	НЕТ
Интересуетесь ли вы живописью?	2	1	Рисуете ли вы на свободных один и те же фигуры?	0	1
Часто ли вам бывает скучно?	1	2	Когда вы слушаете музыку, появляются ли в вашем воображении образы, связанные с мелодией?	1	0
Когда вы рассказываете о каком-либо случае, происшедшем с вами в прошлом, не добавляете ли вы время от времени живописную, но выдуманную деталь?	1	0	Любите ли вы писать длинные письма?	2	1
Провалываете ли вы нищету на работу?	2	1	Снятся ли вам по временам необычные или цветные сны?	1	0
Пишете ли вы размышления?	1	0	Рисуете ли вы в своем воображении — место, куда собираетесь поехать, но о котором знаете только по рассказам?	1	0
В одежде руководствуетесь ли вы больше собственным вкусом, чем модой?	2	1	Часто ли вы плачете во время демонстрации фильма?	1	0

Теперь подсчитайте количество набранных очков. Если сумеете использовать его в нужном образе, сможете сделать свою жизнь гораздо богаче и доставить много радости окружающим.

14—16 очков. Обладаете буйным воображением. Если сумеете использовать его в нужном образе, сможете сделать свою жизнь гораздо богаче и доставить много радости окружающим.

8—13 очков. Обладаете средним воображением. Только от вас зависит, сумеете ли вы его развить.

0—7 очков. Вы реалист, в облаках не витаете. Но напал фантазии еще никому не погасила.

Из тестов космонавтов

Перед вами так называемая «черно-красная таблица», на которой проследите действия космонавты Ю. Гагарин, Г. Титов и другие. С помощью этой таблицы выясните способность будущего космонавта и точною выполнению заданной деятельности, то есть способность выполнять определенную работу, независимо ни на какие отвлекающие помехи. Это — одно из испытаний, которому подвергались космонавты с целью определить их нервную-психическую устойчивость и сделать психологический прогноз при выборе наиболее подготовленного космонавта.

Попробуйте и вы испытать себя. Требуется назвать по две цифры (черную и красную) так, чтобы сумма их равнялась 25. При этом каждая цифра надо называть в возрастающем порядке. Это и красные, наоборот — в убывающем. Этот психологический тест усложняют всплесками яркого света или звуковыми помехами. Например, ту же самую таблицу читает вслух другой человек или же сам космонавт. Голос которого заранее записан на пленку, но не в такт и не в том темпе. В качестве помехи можно использовать и запись музыки с четким выраженным ритмом. Все это сбивает с толку не очень тренированных людей.

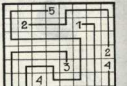
А собранные, вопевые люди так отстраняются от всего, что они слышат, а что слышат, они и выдают весьма незначительным.

Попробуйте проделать этот тест вместе с товарищами: у кого время получится лучшим, при наименьшем количестве ошибок.

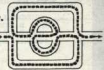
8	9	24	20	15	6	19
4	5	12	1	24	13	23
14	18	17	22	2	11	6
22	11	7	21	8	3	9
2	7	16	23	19	16	3
13	1	21	5	10	25	17
15	10	18	20	4	14	12

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, НАПЕЧАТАННЫЕ В НОМЕРЕ 5

1.

2. Вот как надо пройти по слуд.

3. Линию нужно вести следующим образом: ВС—СА—АЕ—ЕД—ДА.

4. Отъезд будет в 4.15 часов, 40 минут.

Найдите десять отличий между этими рисунками.

НА ДВА МЫШЛЕНКЕ

В польском журнале «Шпекри» регулярно появляются кричащие загадки, где самым действующим лицом является инспектор Вернер. Предлагаем одну из них.

ПЕЯЗЖИСТ

Видла находилась рядом с озером. Газины солнечным утром владельцы видлы поехали с семьей за покупками в город. Когда через два часа они вернулись, видла была оторвана.

Узнав об этом, инспектор Вернер поспешил к владельцу. Ковани рассказывал ему, что видлу ограбили два молодых человека. Они переплыли озеро, пробрались на видлу через веревку, спутанную несколько минут вылезли с удивренными лицами, сажали в лодку и отплыли. Все это произошло на глазах случайного свидетеля, художника-любителя, который был на горнице, унесившая кистью отрывавшийся вид. Он и сейчас об этом хозяину видлы.

Когда инспектор поднялся на гору, художник авторам. Вид озера, ирисованная наварью, уже высок.

Инспектор посмотрел на картину, стоявшую на дальнем столике и на разложившем волье нее предметы: большую корзину с овощами, несколько разных кистей, очки, коробку с утлом. Потом обратился к художнику:

— Одно у вас очень хорошо получилось... Но может быть, вы рассказываете еще раз то, что видите?

Рисовал ничем не отличался от того, который инспектор ухватил от хозяина видлы. Но инспектор Вернер сказал: — Вы участвовали в отрывании видлы. Придумайте этот сюжет, вы забыли об одной вещи... О чем же забыл пейзажист-свидетель?

Главный редактор В. И. СМОХИН.

Редакторы: К. К. Андреев, В. Н. Ганчева, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, А. М. Ефремов [ответственный секретарь], К. Н. Замощин, Р. Ф. Казакова, А. П. Кушонов, А. С. Лавров, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Самарин, А. Б. Стуков [главный художник].

НАШ АДРЕС: Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ:

Для справок: Д 3-30-87; отделе: литературы и искусства — Д 1-32-64; очерки и публицистика — Д 1-03-51; международной жизни — Д 3-31-50; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; кино — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-04-10; фотографии и репортажа — Д 3-30-97; информация — Д 3-31-63; оформления — Д 3-28-36.

Художник-оформитель В. Соколов. Технический редактор Н. Вудина.

А 00344. Подписано и печатано 28/II 1967 г. Формат бум. 70 x 108¹/₂. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5,6. Тираж 1100 000. Изд. № 541. Заглав. № 504.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВСЕ ДОРОГИ К ТЕБЕ

Слова Юрия КАМЕНЕЦКОГО

Музыка Кирилла АКИМОВА

За дальми дальними
Стоишь ты у глобуса,
А может быть, в шумной
тоскуешь толпе.
Ты зря беспокоишься:
Отсюда, от полюса,
Куда ни пойдешь — все
дороги к тебе!

В сиянии северном
Плывут наши домики,
Качает антенну на тонком
столбе.

Играет гармоника,
Поет мне гармоника,—
Куда ни пойдешь — все
дороги к тебе!

Ребята-полярники,
Мы люди привычные
К безмолвию белому, к
трудной судьбе.
А все же, любимая,
Здесь письма — не
лишнее,—
Куда ни пойдешь — все
дороги к тебе!

Большая Медведица
Космостою лапою
Снега раздробила на
синей тропе.

Нет юга и севера,
Востока и запада,—
Куда ни пойдешь — все
дороги к тебе!

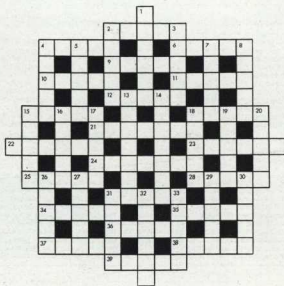
К Р О С С В О Р Д

По горизонтали:

2. Роман И. Гончарова. 4. Модель. 5. Предварительный образ. 6. Роман Ф. Достоевского. 9. Французский писатель. 10. Государство в Азии. 11. Бульварная горная порода. 12. Литературное произведение для исполнения на сцене. 15. Лирическая пьеса Шопана и Ариана. 21. Пушиная зверь. 22. Морское рыболовное судно. 23. Город в Испании. 24. Конструктор автоматического оружия, герой Социалистического труда. 25. Замкнутый оборот речи, предложение. 26. Белье, выделенный из мышечной ткани. 31. Цветок. 34. Русский театральный художник и график. 35. Подолжский князь, разновидность агата. 36. Роман Т. Драйзера. 37. Вес товара без упаковки. 38. Советский композитор. 39. Приток реки.

По вертикали:

1. Оттиск типографского набора. 2. Категория в систематике животных. 3. Советский писатель. 4. Жирное вещество, пищевой продукт. 5. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 7. Озеро на севере Финляндии. 8. Часть печи, котельного агрегата. 12. Математический знак. 14. Крупный массив суши, континент. 15. Перемещение льдов под действием морских течений и ветров. 16. Приток реки Сены. 17. Крупная артерия. 18. Время уборки хлебных злаков. 19. Кондитерское изделие. 20. Советский писатель. 26. Персонаж романа М. Горького «Мать». 27. Советское спортивное общество. 29. Печатная форма для воспроизведения иллюстраций. 30. Норвежский драматург. 31. Диуховый инструмент. 32. Нити, расположенные вдоль ткани. 33. Лесная птица.

Составил М. УРАЛЬСКИЙ,
г. Верхний Тагил

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЕ В № 5

По горизонтали:

9. Фелотово. 10. Репортаж. 11. Садок. 13. Вельшпорок. 14. Оригинал. 15. Камин. 16. Колорода. 17. Антрацит. 18. Вазон. 19. Сонатина. 20. Тарбаган. 27. «Рыболов». 28. Ротатор. 30. Костром. 35. Фламинго. 36. Тарту. 40. Роговица. 41. Калдист. 42. Нанду. 43. Каннигара. 44. Ситуация. 45. Саади. 46. «Воронидо». 47. Максисом.

По вертикали:

1. Кемерово. 2. Монохова. 3. Котопки. 4. Кавказо. 5. Аргонивт. 6. Спринтер. 7. Ордината. 8. Каватина. 12. Лимузин. 20. Нерис. 21. Табор. 22. «Нилум». 24. Аргон. 25. Интум. 26. Гурон. 29. Беранда. 31. Фонтанор. 32. Трэфимов. 33. Онтатрия. 34. Атамасов. 35. Фукунума. 36. Алетина. 37. Итатия. 38. Гутинион.

На первой странице обложки:

группа «Поиски» в Нерубаицких катаномбах — там, где базировался партизанский отряд В. А. Молодцова-Бадаева. На первом плане: инструктор горкома ВЛКСМ В. Юдин и конпрорница Автогеннашазова С. Верхогурова.

Фото А. ЛЕХМУСА

РУКАМИ НАРОДНЫХ УМЕЛЬЦЕВ

И. ВЛАДИМИРОВ

Фото О. НЕЕЛОВА

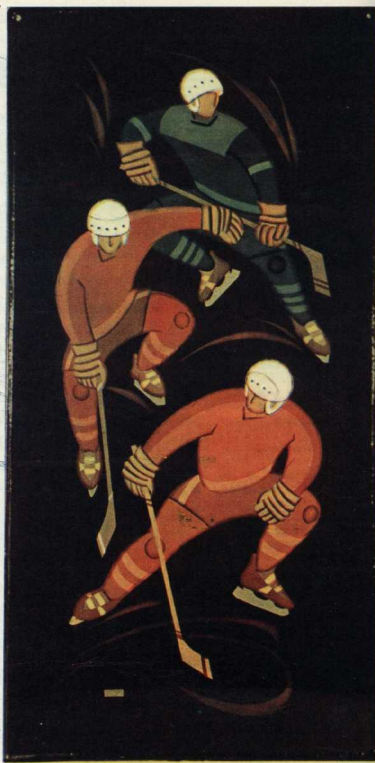
Этот небольшой музей значится во всех каталогах мира. Он пользуется огромной популярностью. Трудно назвать страну, туристы которой, побывав в Москве, не зашли бы сюда. Мы говорим о Музее народного искусства, или Музтарном, как его некогда называли.

Замечательная его история. Основан он был восемьдесят лет назад. Здание ему подарил богатый меценат, знаток и собиратель народного искусства С. Т. Морозов. Кстати, сама архитектура этого здания удивительно подходила к новому музею. Дом выстроен в русском стиле середины 17-го века и чем-то напоминает сказочный терем. Оформляли помещение видные художники и среди них — Михаил Врубель, Сергей Малютин, Константин Коровин. Создание Музтарного музея в те годы было прогрессивным явлением. В конце прошлого века, когда в России начала развиваться промышленность, наступил период угасания русских кустарных промыслов. Народные художники жили в тяжелых условиях, заработки их были низки, они полностью зависели от скушников. Музей явился фантасическим первым мыслем очагом возрождения русского народного крестьянского искусства в пореволюционной России. Ведь в задачу его входила не только популяризация произведений народных умельцев, но и оказание им всесторонней помощи — и художественной и материальной. В верхних залах размещалась собственная экспозиция музея, внизу был устроен своеобразный базар для продажи кустарных изделий. Средства, вырученные от этой продажи, шли в поддержку народных промыслов. Эта замечательная традиция живет и в наши дни. И сегодня посетители музея могут приобрести много изделий народных умельцев.

С первых лет своего существования Советская власть оказывала большую поддержку собирателям уникальных изделий русского искусства. Как самый ценный экспонат хранится в Музее документ, подписанный Михаилом Ивановичем Калинин. Это диплом первой степени, который музей заслужил в 1923 году «за привлечение художественных сил для выработки новых образцов и торговле в сторону изучения и выявления чистого народного творчества». О том, какое большое значение придавалось Кустарному музею, говорит тот факт, что именно на его основе был создан научно-исследовательский институт, который и поныне осуществляет творческое руководство художественной промышленностью. В 30-е годы Кустарный музей был преобразован в Музей народного искусства.

35 тысяч экспонатов собрано здесь. Замечательные федоскинские и палехские миниатюры (статуи, первую из промыслов исполнилось недавно сто пятьдесят лет), огненные росписи Хохлово, череповичские тшаны, радующие нами-то особыми традиционным ювелиритом, дагестанское серебро и керамика, тончайшая филигрань ностровицкой.

Хотя адрес музея определен

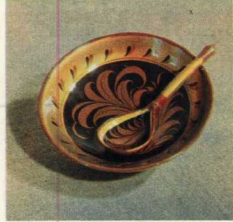

Палех «Хожкей». Лакровая живопись по металлу. Дипломная работа Василия Тимофеева — выпускника Московского художественно-промышленного училища имени М. И. Калинина.

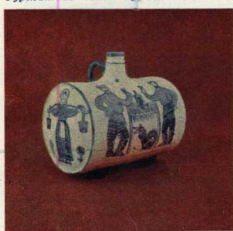

Кольца и браслеты. Кубачи.

Хохломская роспись.

Фарфоровый квасник. Автор Л. Азарова. Тульгинский завод, Московская область.

Цена номера 20 коп.

ный — Москва, улица Станиславского, № 7, но экспозиция его можно увидеть не только в столице. Два-три раза в году устраиваются передвижные выставки народных мастеров в разных городах страны. Многие экспонаты побывали за рубежом. Увидеть их и посетителям Всемирной выставки в Монреале.

Миниатюрные сувениры работы дагестанских мастеров А. Абдурахманова и Р. Алханова — жителей прославленного села Кубачи.

Индекс 70820